

№ 6 (20), декабрь 2017 Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

С Новым 2018 годом и Рождеством Христовым!

Объявлены лауреаты Первой региональной литературной премии «В начале было слово»

Итоги премии, учрежденной депутатом Государственной Думы РФ Евгением Шулеповым, объявили в Вологде на литературном семинаре. Он собрал известных поэтов и писателей, критиков, филологов, авторов из нескольких районов области и читателей в галерее «Красный мост».

С приветственными словами выступили учредитель премии Евгений Шулепов, председатель жюри, член Союза писателей России Михаил Карачев и протоиерей Алексей Сорокин. Затем начинающие авторы и члены жюри на протяжении дня работали в секциях «Поэзия» и «Проза», где шло обсуждение присланных на соискание премии произведений.

ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ СО СЛОВА

МЫ ПОЛУЧИЛИ множество отзывов о премии «В начале было слово» и о самом литературном семинаре.

Отзывы подтверждают, насколько сейчас необходима поддержка творческим людям, насколько такие мероприятия важны!

Для себя принял однозначное решение — премия для начинающих поэтов и писателей «В начале было слово» будет ежегодной!

Мы работали в двух секциях — «Поэзия» и «Проза». Обсуждали произведения авторов, вошедших в шорт-листы. Каждое стихотворение и рассказ подверглись доскональному литературному анализу!

Я был на обеих секциях, вместе с авторами переживал. Эксперты, конечно, никого не жалели. Высказывались прямо, порой даже жестко. Задача была не «расхвалить кукушке петуха», а дать ценные рекомендации начинающим поэтам и писателям. Поэтому члены жюри провели огромную предварительную работу, каждую рукопись под микроскопом препарировали. И, как оказалось, именно это было нужно авторам. Никто не обиделся на критику, наоборот, записывали советы жюри, стараясь ничего не упустить. Интересно было не только самим авторам, но даже тем, кто пришел в качестве зрителей. Потому что в ходе анализа текстов говорили в целом о языке, умении работать со словом, рассуждали о литературных традициях, вспоминали произведения классиков и, конечно, поднимали вечные темы. Так что получился серьезный разговор о жизни, и о многом заставил задуматься.

Благодарю экспертов — членов Союза писателей России, известных и любимых нами поэтов и писателей, уважаемых литературных критиков, преподавателей-филологов за огромный труд и ответственный подход к делу! Не могу не назвать их поименно!

Итак, нашими экспертами были:

Балакишин Роберт Александрович, прозаик, публицист, лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе;

Бараков Виктор Николаевич, литературный критик, прозаик, член Совета по критике Союза писателей России, доктор филологических наук, лауреат всероссийской литературной премии имени Н. М. Рубцова «Звезда полей»;

Цыганов Александр Александрович, прозаик, лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе;

Ехалов Анатолий Константинович, прозаик, лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе;

Личутин Владимир Владимирович (город Москва), прозаик, лауреат Государственной премии Правительства РФ;

Карачёв Михаил Иванович, поэт, Председатель правления Вологодской писательской организации, лауреат Международного московского поэтического конкурса «Золотое перо»;

Фокина Ольга Александровна, поэт, лауреат Государственной премии РСФСР;

Лютый Вячеслав Дмитриевич (город Воронеж), председатель Совета по критике Союза писателей России, заместитель главного редактора литературного журнала «Подъем»;

Иванов Геннадий Викторович (город Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Никитина (Чурбанова) Инга Александровна, поэт, кандидат филологических наук.

А начинающих авторов благодарю за желание учиться, умение адекватно воспринимать критику и высокую подготовленность к семинару. Мне было особенно приятно, что наши авторы прочли произведения друг друга, переживали за коллег по литературному цеху, поддерживали. Не было никакого самолюбования, эгоизма и хвастовства. Я увидел дружную команду творческих людей, которые, как говорится, друг за друга горой. Вот какой объединяющей силой обладает Слово!

Еще несколько слов о литературном семинаре. Мы открыли его в 8 часов утра в субботу. Несмотря на такую рань, галерея «Красный мост» мгновенно заполнилась людьми. Открытие прошло в формате литературной гостиной. Играла

живая музыка, исполнение струнного квартета музыкальной школы № 1 было великолепным!

Музыканты создали атмосферу настоящего праздника!

Очень гармонично дополнили ее юные художники. Мы провели для них конкурс изобразительного искусства. Лучшие воспитанники художественной школы имени Владимира Корбакова писали картины, которые отражают название премии «В начале было слово». Победителя среди художников выбрали путем зрительского голосования. Лучшей работой признана картина Лысановой Анжелики. В будущем обязательно сделаем выставку этих картин!

Вот так мы собрали музыкантов, художников и литераторов в одной компании. И это общение получилось удивительным, живым и искренним! Во время приветствия прозвучало много важных слов. Повторю, что одна из главных задач современной России — создание условий для творческого развития каждого человека. Там, где есть творчество, есть все остальное — вдохновение жить, учиться, работать, поднимать страну.

Поэтому наша премия — это сигнал для властей всех уровней и бизнес-сообщества о необходимости проведения и поддержки подобных мероприятий. Все начинается со Слова. Именно так. С большой буквы. Об этом на церемонии открытия семинара напомнил отец Алексей Сорокин, благословив наше начинание. Так что у премии и всех наших авторов, я уверен, прекрасное будущее!

На семинар приехали начинающие авторы из нескольких районов области, в том числе из самых дальних уголков — Великого Устюга, Никольска, Кич.-Городка... Наша земля богата талантами! На соискание премии направили заявки 160 авторов, выбрать финалистов экспертному жюри было непросто.

Я сам прочитал присланные на мой сайт работы, поэтому с удовольствием познакомился на семинаре с финалистами, испытал большую радость от общения.

Простые люди, многие всю жизнь прожили в деревне в тяжелом труде и стесненных обстоятельствах, пишут потрясающие, свободные, легкие стихи и рассказы. Нет в них никакого пессимизма, фальши, натянутости, безграмотности. Это прекрасные тексты и, самое главное, наполненные глубоким смыслом.

Они вызвали живой отклик у читателей, некоторые даже приехали на семинар «болеть» за понравившихся авторов! А ведь в этом и состоит настоящее искусство слова — дойти до сердца, души и ума читателя, всколыхнуть в нем лучшие чувства, заставить задуматься о важном. У наших начинающих авторов это получилось!

Причем начинающий вовсе не значит молодой! На семинар собрались авторы всех возрастов — от студентов до ветеранов, так что начинать серьезно заниматься творчеством можно в любом возрасте!

По итогам семинара экспертное жюри выбрало победителей премии «В начале было слово».

Лауреатами стали:

— Сергей Корчнев в номинации «Поэзия»;

— Людмила Кузнецова в номинации «Малая проза»;

— Елена Аникина в номинации «Большая проза».

Еще одним лауреатом премии стала уже известный писатель Наталья Мелехина. Ее работу — повесть «Александр Панкратов» — жюри рассматривало вне конкурса.

Все лауреаты получили заслуженные награды и право публикации в сборнике премии. Произведения авторов, вошедших в шорт-листы, мы также опубликуем в сборнике. Работу над ним начнем в декабре, выпустим книгу в начале 2018 года. Сборник будет размещен во всех областных библиотеках России.

Депутат Государственной Думы РФ, учредитель премии «В начале было слово»
Е. Б. ШУЛЕПОВ

* * *

На наши, брошенные после перестройки на произвол судьбы культурно-литературные поля победной поступью пошла антикультура. Подобно пресловутому борщевнику, заселяет она русское литературное поле, оставшееся без хозяина. Наше отделение Союза писателей России — преемник традиционных ценностей русской литературы — стремится быть верным служителем добра, честности, справедливости, искренности чувств. Вспомним Лермонтова:

*«Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на меже, средь желтой нивы,
Чету белеющих берёз».*

Никаких изысков, казалось бы, и никакой новизны, но навсегда дороги русскому сердцу эти строки. Мы не против сотрудничества с другими союзами, но не готовы уступать «борщевнику» писательскую «ниву», которую любим, и где надеемся видеть всходы Разумного и Доброго.

Ольга Фокина,
лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького

* * *

Прежде всего, по итогам этого замечательного литературного события хочу сказать, что оно было отлично организовано. Была прекрасная творческая атмосфера. Особая благодарность инициатору и спонсору первой региональной литературной премии «В начале было слово» депутату Государственной думы РФ Евгению Шулепову и активу Вологодской писательской организации во главе с Михаилом Карачёвым.

А какие писатели были экспертами! Ольга Фокина, Владимир Личутин, Вячеслав Лютый, Александр Цыганов, Роберт Балакшин, Виктор Бараков, Анатолий Ехалов... Да все замечательные.

В чём для меня была отличительная особенность вологодского семинара. В том, что начинающие поэты земли вологодской, не зависимо от возраста, активно пишут о деревне. Эта тема, кажется, ушла и из современной прозы, и из поэзии. По крайней мере, на семинарах в других регионах она уже не просматривается. А вот в Вологде в этот раз для меня это было удивлением. Да, старая, традиционная деревня уходит... Особенно у нас на северо-западе России. Деревню уже оплакали такие великие таланты, как Николай Рубцов. Но любовь к ней на вологодской земле такая сильная, что это долгое прощание продолжается. А может, из него произрастёт нечто новое... Начнётся возрождение... Не знаю. Но в наши дни этот момент в творчестве вологодских поэтов мне представляется феноменом.

Было бы неплохо эти семинары сделать ежегодными. Надо возрождать литературную славу Вологодчины!

Геннадий Иванов (Москва),
первый секретарь правления Союза писателей России

* * *

Впечатление общее от семинара хорошее. Вологодская литературная школа имеет богатое историческое прошлое, а для поддержания преемственности и нужны литературные семинары, конкурсы, премии. Нужны усилия людей беспокойных, а то нива быстро запустеет. Бывает, вспыхнет новое имя и потухнет без внимания. Надо вовремя обратить внимание и поддержать начинающего автора.

Владимир Личутин (Москва),
лауреат Государственной премии Правительства РФ

* * *

Первая региональная литературная премия «В начале было слово» и литературный семинар для начинающих авторов показали, что на Вологодчине, богатой литературными именами, стремление к творчеству у новых поколений не иссякает. Русский Север, как сокровищница народной культуры, порождает творческих людей с устойчивым взглядом на жизнь, традиционными, не извращенными представлениями о литературном творчестве. Разговор на семинаре, как мне представляется, был добрым и серьезным, тем более, что в нем приняли участие известные, авторитетные писатели и критики. Прошедшие литературная премия и семинар выявили и поддержали подлинные, а не мнимые ценности творческих начинаний вологодских авторов. Необходимость в системном проведении таких литературных мероприятий очевидна. Спасибо депутату Государственной Думы РФ Евгению Шулепову за понимание.

Михаил Карачёв,
председатель правления Вологодской писательской организации

СЛОВО РУКОВОДИТЕЛЯМ СЕМИНАРА «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»

НАДЕЕМСЯ ВИДЕТЬ ВСХОДЫ РАЗУМНОГО И ДОБРОГО

* * *

Литературный семинар не проводился в области десять лет. Эксперты отметили достаточно высокий уровень представленных на конкурсе рассказов и стихотворений и стремление авторов ориентироваться на традиции русского реализма. В представленных рукописях почти не было модного ныне самовыражения в ущерб смыслу, пренебрежения к русскому языку, разрушительной иронии. Искренность, душевность, опора на народные традиции и нравственные категории — именно этими качествами отличались работы участников конкурса, в том числе молодых. Конечно, во время обсуждения рукописей звучали и критические отзывы, но основное внимание руководители секций уделяли литературной учебе. Подавляющее большинство участников и гостей семинара дали ему высокую оценку.

Виктор Бараков,
доктор филологических наук, профессор, лауреат всероссийской премии им. Н. М. Рубцова «Звезда полей»

* * *

25 ноября картинная галерея «Красный мост» в Вологде наполнилась радостными, празднично одетыми людьми. В ней проходило заключительное мероприятие, проводимое в рамках литературной премии «В начале было слово», учрежденной нашим земляком, депутатом Государственной Думы Е. Б. Шулеповым.

Были проведены два семинара: поэзии и прозы. На семинарах шел взволнованный, деловой разговор о проблемах литературы, всей нашей жизни, как литературной, так и общегосударственной. Из Москвы на семинары приехали известный поэт Геннадий Иванов и один из ведущих русских прозаиков, мастер прозы Владимир Личутин. Фактически он был руководителем семинара прозы. Всем, и начинающим авторам, и литераторам-профессионалам было интересно и чрезвычайно поучительно слушать его выступления. В них присутствовала и теория литературы, и наблюдения над поэтикой прозы, и принципы работы над рукописью. Слова мастера запечатлелись во внимательных сердцах. На заседания семинаров приходил Е. Б. Шулепов, слушал, наблюдал и позднее выразил признательность за тот дух товарищества, доброжелательности, царивший на них.

Доброй традиции — помнить о своих предшественниках, учителях, были верны литераторы, собравшиеся 25 ноября на семинар. Ведь проведение подобных семинаров — наследие прежней культурной политики.

Сердечное, писательское спасибо всем: учредителю премии и людям, способствовавшим проведению настоящего литературного праздника в нашем городе.

Уповаю, что этот праздник положил начало доброй традиции.

Роберт Балакшин,
руководитель семинара прозы

* * *

Вологодский литературный конкурс «В начале было слово», завершившийся 25 ноября творческими семинарами прозы и поэзии, явление чрезвычайно важное и долгожданное. Точно так же, как читатели тоскуют по живым встречам с писателями и поэтами, начинающие стихотворцы и прозаики нуждаются во внимательном и корректном разборе своих произведений.

Депутат Государственной Думы Евгений Шулепов поддержал замечательное начинание, у которого есть не только яркое настоящее, но и перспективное будущее. Такие «школы литературного мастерства», основанные на принципах традиции, красоты, художественной индивидуальности и, что не менее важно в наше время, творческой ответственности, совершенно необходимы для воспитания нового поколения литераторов и читателей. Любовь к родной земле, уважение к историческому прошлому России, почтание подвига старшего поколения в годы Отечественной войны — это не только формирует

новую творческую среду, но и способствует укреплению гражданского чувства и патриотизма в душах нынешних молодых людей, которым придется определять завтрашний день нашей Родины. Прекрасно, что вологжане приняли семинар с удовольствием. Мне он тоже показался очень дельным и панорамным в оценках творческих работ.

Вячеслав Лютый (Воронеж),
председатель Совета по критике при Союзе писателей России

* * *

«В начале было слово...». Так назвали литературный семинар, который провели вологодские писатели при поддержке депутата Государственной Думы Евгения Шулепова. Надо сказать, что литература и писатели сегодня не в чести, но в народе живо стремление выражать свои чувства и настроения печатным слогом.

Было прислано более 160 рукописей со стихами и прозой. Проза была поделена на «большую» — с повестями и романами, и на «малую» — с рассказами, новеллами, эссе, зарисовками... Многие начинающие литераторы не имеют литературного образования и не знают законов стихосложения, построения сюжетов и композиции в прозе. Но радостно, что на этот семинар явилась сама глубинная деревенская жизнь.

Анатолий Ехалов,
лауреат государственной премии Вологодской области

* * *

Семинар молодых авторов состоялся в день 300-летия Александра Петровича Сумарокова, русского писателя, поэта, одного из виднейших представителей классицизма, что само по себе символично и вполне достойно стать традицией. Поэтическая секция располагала 15-ю (отобранных из более чем 60-ти) рукописями авторов и авторским присутствием, работала в течение семи часов, опираясь на экспертное мнение четырех поэтов и одного критика, составляющих «педагогический состав» семинарских занятий. Уровень мастерства авторов вполне соответствовал возможности вести обсуждение представленных работ, уровень компетенции экспертной комиссии также не вызывал сомнений. Количество участников могло и должно было бы увеличиться, если бы семинар продолжался в течение 2-х дней, так как многие рукописи явно имели право претендовать на внимание, но остались «за бортом» в связи с нехваткой времени.

При обсуждении авторы имели возможность сориентироваться на то или иное полезное для себя мнение эксперта, так как мнения эти всё-таки различались в частностях, в большинстве случаев сохраняя некое единство. Хотелось отметить достаточно корректный тон обсуждения, когда ни эксперты, ни авторы не впадали в соблазн бесплодного или агрессивного дискутирования. Замечательно, что на прошедшем семинаре юные участники справились с ситуацией, их выступления воспринимались достаточно ярко. Что касается сценария проведения семинара, то он поразил воображение установкой на праздник, размахом и широтой привлечения участников; при этом большое количество заинтересованных всё-таки не знали о мероприятии такого масштаба, что вызывает задумчивость (реклама?). И, несмотря на то, что пришли многие, их могло быть значительно больше, прежде всего за счет участников литобъединений Вологды, студентов, членов Клуба любителей искусств и других сочувствующих.

И всё-таки гостей было достаточно, присутствующие делились не только на авторов и экспертов, но и на участников действия и зрителей. Приятно отметить, что «вольнотрушатели» не только имели возможность присутствовать на обсуждении, но и воспользовались этой возможностью: зал был полон, выступавшие читали на публику, эксперты высказывались «при свидетелях». Не получилось отдать рукописи с пометками самим авторам, что осложнит «работу над ошибками», и в будущем хотелось бы поделиться

фиксированными замечаниями с теми из участников, кто заинтересован в детальном разборе собственных работ.

Необходимо отметить тематические доминанты, типичные для современной северной провинциальной (в географическом смысле) поэзии. Это, прежде всего, трагедия исчезновения деревень, уход старших поколений, поиск своего места в урбанизирующемся мире, попытка не утратить связи с сельским Миром, Природой и Богом. Участники семинара, несмотря на разную степень подготовленности, демонстрировали сходный с общероссийским уровень разработки данных тем. Можно сказать, вологодская литературная традиция поддержана достаточно ответственным отношением начинающих к поэтическому творчеству, которое в основном демонстрирует не нарциссический, а обращенный к миру пристальный взгляд пишущего. По замечаниям ведущих-невологжан, порадовало преобладание реалистических мотивов и традиционных жанров над фантазийными (в отличие от других регионов), при этом и у молодых, и у более опытных особенно пронзительно звучала лирическая интонация. Притягательной оказалась и эпическая традиция; философская тематика, за некоторым исключением, больше увлекала мужчин. Одной из наибольших опасностей показалось сужение поэтического пространства до бытового, лично-семейного, любовно-женского монопереживания, а также страх искренности и простоты (не той, что хуже воровства). Для преодоления таких тенденций необходимо постоянное общение с литературой высокого классического уровня вкупе с избирательностью в чтении свободной (прежде всего интернетной) поэтической продукции, что само по себе позволит прийти на следующий семинар в состоянии интеллектуального и творческого тонуса.

Хотелся сказать, что административная подготовка и организация семинара настолько благоприятствовали отобранному авторам в их творческой самопрезентации, что осталось много пожеланий принять участие в следующем семинаре, несмотря на достаточно жесткие оценки экспертов (которые, нужно признать, не были ни оскорбительными, ни беспочвенными). Атмосфера праздника, большого нужного дела, огромной ответственности в служении Слову поддерживалась как авторами, так и экспертами. При этом изумление тому, что в наше не слишком благоприятное для литературного творчества время возможно столь уважительное и проникновенное отношение к писательскому труду, не покидало великодушных залов до самого последнего присутствующего. Огромная благодарность всем, кто помог в организации этого праздника Северной Поэзии, состоявшегося в день рождения одного из первых русских выдающихся поэтов — Александра Петровича Сумарокова, чьё 300-летие праздновал весь литературный Мир нашего обширного Отечества.

Инга Никитина (Чурбанова),
член Союза писателей России, кандидат филологических наук

* * *

Казалось, еще недавно молодые авторы (а в литературе это понятие относительное, вневозрастное: например, В. Кондратьев в 50 лет написал свою знаменитую повесть «Сашка»), — так вот, молодые авторы всегда мечтали попасть на семинары, проводимые Вологодской писательской организацией в сообществе с известными писателями страны. И по-хорошему завидовали тем, кто приглашался на эти мероприятия. Потому что это было честью: обсудиться, услышать мнение о своих творческих начинаниях и, главное, следом — работать с утроенной энергией, огромным желанием. Для пишущего человека это было всегда одним из ярких событий в жизни. А для талантливого, одаренного зачастую становилось и смыслом всей его жизни. К сожалению, сегодня практика учебы начинающих авторов профессиональными писателями исчезает. Хорошо, что наша Вологда нередко становится начинателем настоящих, добрых, полезных дел. Одно из таких — нынешнее проведение регионального семинара литераторов Вологодчины. Пожалуй, не припомнится такого количества желающих принять участие в семинаре. Стало быть, есть еще у нас «порох в пороховницах». За многие годы работы с молодыми, если доводилось, меня всегда радовала встреча с талантливым человеком. Но талант — это редкость, дар Божий. И ныне, по прошествии семинара, я увидел несколько имен, от литературного творчества которых мне становится хорошо на душе. Значит, как сказал бы В. И. Белов, у литературной Вологодчины еще «всё впереди»!

Александр Цыганов,
лауреат государственной премии Вологодской области

СЛОВО УЧАСТНИКАМ СЕМИНАРА «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»

ЭТО СОБЫТИЕ, ЭТО ОЩУЩЕНИЕ ПРАЗДНИКА

«Подвели итоги Литературной премии Е.Б. Шулепова «В начале было слово». Хочется поблагодарить за мероприятие его организаторов, членов жюри и участников. Самое главное, что мне понравилось — это возможность общения с людьми, которых не часто вижу, а также с людьми, с которыми пока была знакома лишь по соцсетям. На семинары прозы и поэзии собрались авторы со всей области, в том числе из дальних районов. Состав секции прозаиков мне показался довольно сильным. Есть у меня свои произведения-фавориты:

Елена Аникина «Симон», Павел Громов «Секрет знаменитой улыбки» и Людмила Прокопенко «Тёща», «Черепок» и «Сотрясение мозга». Сергей Корчнев победил в номинации «Поэзия». В номинации «Малая проза» награду получила Людмила Кузнецова, а в номинации «Большая проза» — Елена Аникина. Поздравляю коллег! Мой историко-биографический очерк «Александр Панкратов» эксперты не обсуждали, поскольку он рассматривался вне конкурса, я просто рассказала об истории проекта «Бессмертный герой». Кроме того, выступил руководитель проекта Александр

Кононов, заместитель генерального директора АО «Вологодский вагоноремонтный завод». В конце вечера еще и подвели итоги конкурса среди юных художников. Пошли семинары, они создавали работы на тему «В начале было слово». Жалею, что нельзя было проголосовать за несколько картин, так как мне очень понравились как минимум три работы».

Наталья Мелехина

Для меня это событие!.. Это ощущение праздника, встреча с единомышленниками (именно с единомышленниками, а не с соперниками, как это предполагает сама идея конкурса). Очень грамотная и внимательная команда экспертов... Я внимательно слушала обсуждение всех авторов, делала для себя выводы, получила нужную полезную информацию к размышлению.

Наталья Раменская, финалист премии

Семинар мне понравился: я хотел услышать других, увидеть старых и обрести новых соратников, желал услышать мнение авторитетного жюри и мнения коллег о своём творчестве. Я это получил и дово-

лен. Мне были нужны и теплые слова, и объективная критика. Главное — это наше содружество.

Леонид Лешуков, финалист премии

Осень дарит много приятных моментов. Одним из таких стал литературный семинар, организованный Союзом писателей России и Е.Б. Шулеповым. Может быть, действительно власти и мэтры литературы решили повернуться к молодым (не по возрасту) авторам лицом? Я хотела получить ответ на этот вопрос и пришла туда «вольнотрушательем», чтобы ещё и поддержать тех, кто вошёл в шорт-лист премии, особенно авторов, которые приезжают на слёты «Кружевного палисада» или печатаются на стене нашей группы и дружественной группы «Подножие Парнаса».

Как сказала Наталия Раменская из Бабаево, «в живую мы ещё краше и лучше». Так и есть. Обнимались, радовались друг другу, как дети, или нет, как близкие люди. Переживали за каждого и в секции поэзии, и в секции прозы...

Вологодский стихоз
«Кружевной палисад»

УРОКИ ДЛЯ НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ

«Что нужно для того, чтобы быть писателем?» — так называется лекция Викентия Викентьевича Вересаева, написанная им для литературной студии в далеком 1921 году...

Нынешняя ситуация, когда в интернете многие тысячи самодельных авторов, не прошедших огранки длительной литературной работой, выставляют свои неспелые произведения на суд интернетных же читателей, чем-то схожа с послереволюционной, когда множество выходцев из народных масс устремились в литературу, желая заняться литературным трудом.

После опубликования, лекция Вересаева в своё время вызвала дискуссию в печати. Один из критиков, давая ей положительную оценку, писал, что статья «намечает пути укрепления писателя, разъясняет, в какую сторону должна быть направлена творческая энергия литератора». Она ничуть не устарела и для нашего революционного в техническом отношении времени, дающего любому пользователю интернета обманчивую возможность заявить о себе в качестве «всемирно известного автора». Интернет недаром называют «сетью» или «паутиной». Однажды попавший в неё, может всю оставшуюся жизнь тешить себя иллюзией собственной известности и без ожидаемого результата выставлять во всемирную паутину всё, что скороспело выходит из-под его клавиатуры. Мастерства подобное самоутешение или самоутверждение не прибавляет. Да и слово-приставка «интернет» ни поэзии, ни прозе, ни какому-либо другому литературному жанру ценности, качества не принесёт.

Есть некоторые вневременные характеристики творческого процесса, о которых и говорится в яркой, доступной и искренней статье Вересаева. Газетная площадь не позволяет перепечатать её полностью, поэтому остановимся на основных положениях этого, можно сказать, катехизиса для начинающего писателя. Кстати, с полным текстом статьи можно ознакомиться, в том числе, в интернете, чем он, собственно, и ценен.

Что нужно для того, чтобы быть писателем? — пишет Вересаев. — Прежде и после всего нужен талант, и не о чем здесь беседовать, и не о чем читать лекций. Нельзя научиться стать писателем... — нужно им родиться.

У каждого известного автора, как пишет дальше Вересаев, есть «свое» характерное духовное лицо, раз увидев которое, вы его уже не смешаете ни с каким другим. Особенность художника сказывается в характере его мыслей, настроений, переживаний, в его слоге, в самом тембре и ритме речи.

Чем же обуславливается эта оригинальность каждого истинного художника? Вопервых, тем, что он живёт интересною, своеобразною внутреннею жизнью, и, вторых, — что он во всём является самим собою...

...Вы скажете: «Быть самим собой? Да что ж тут трудного? Трудно быть другим. А быть самим собою, это дело самое лёгкое». Нет, это-то и есть дело самое трудное...

...Быть самим собою — это значит развить в себе те возможности, которые заложены в тебе и которые придушены, из-

В. В. ВЕРЕСАЕВ

БЫТЬ САМИМ СОБОЮ

уродованы в тебе средою, воспитанием, влиянием окружающих тебя людей, собственною твоею боязнию перед душевною своею самостоятельностью».

Относительно нашего времени я бы добавил, что необходимо избавиться и от придушающего влияния интернета. «Всемирная паутина» даёт большие возможности для общения, для получения информации, но даёт ли она главную возможность — быть самим собою?

Надо доверять себе, своим переживаниям и настроениям, тому, как видишь, слышишь, как тянет выразиться — советует Вересаев начинающему писателю:

«Настоящий художник пишет так, как видит собственными глазами, а не как его приучили видеть книги и разговоры...

...Сильно мешает начинающему писателю быть самим собою ещё влияние великих образцов. Часто ему даже нравится, что у него выходит совсем так, как у любимого его писателя...

...Вовсе не трудно подделаться под чужую, уже готовую форму, — для этого достаточно быть способным погугам или скворцом. Гордость поэта как раз в том, что его нельзя смешать ни с каким другим.

Самые крупные художники начинают с подражания. Многие в течение всей своей жизни не в состоянии бываю выбиться из-под влияния очаровавшего их образца...

...Парадоксальный на вид, но по существу глубоко жизненный совет: хотите быть писателем, хотите печататься, — пишите, «творите», сочиняйте стихи не хуже стихов Верхарна или Александра Блока, рассказы не хуже рассказов Горького или Бунина. Вас напечатать, вас, может быть, будут хвалить. Но когда придёт соответственное настроение, — забудьте о всяком писательстве, о всяких учителях, отдайтесь творчеству для себя, пишите, не думая о читателях, — напротив, решите, что вы этого никогда и печатать не станете. Это-то и будет самым лучшим, что вы напишете, — поверьте мне.

Но не вытекает ли отсюда вывод, что писатель, желающий сохранить девственную свежесть и оригинальность своего творчества, должен избегать изучения мастеров, должен совершенно самостоятельно прокладывать свою собственную дорогу? Нет, этот вывод был бы неправилен, — так же неправилен, как если бы человек, желающий сохранить свою умственную самостоятельность, решил бы не читать умных книг и избегать разговоров с умными людьми. Художник, если не хочет остаться дилетантом-самоучкой, должен знать достижения всех предшествующих мастеров, прочно усвоить их, претворить их в свою плоть и кровь, — и тогда забыть о них и свободно идти дальше,

не оглядываясь на учителей. Как говорит Флобер: «Нужно позлотить океан книг и извергнуть его обратно».

Далее, — как это на первый взгляд опять ни покажется парадоксальным, — писателю очень мешает быть самим собою выяснение для себя задач искусства, — что оно такое, какие цели должно преследовать, какими должно пользоваться средствами и т. п. Как думающий человек, он, конечно, не может не интересоваться теоретическими вопросами о самом для него дорогом деле. Но, как художник, он должен, приступая к работе, совсем забыть обо всех этих вопросах...

...Как птица, в блаженной свободе бес- сознательного влечения, должен художник выражать то, чем полна его душа, не задаваясь вопросами, что такое поэзия, каковы её задачи. Теория всегда узка, схематична и депотична, искусство же широко, многогранно и не терпит на себе никаких пут...

...Царивший когда-то классицизм сменился в литературе романтизмом, романтизм — реализмом, реализм — символизмом и т. д. Для критиков и историков литературы эти сменны могут дать огромное поле для наблюдений, для выводов, для борьбы. Но художник может здесь устоять лишь в качестве объекта, в качестве материала, над которым пусть оперируют теоретики. Художник творит из нутра, озабочен только одним, — чтоб точно и полно выразить то, что у него в душе, а в какую его поместят «школу», к какому причислят направлению, — дело не его...

...Такая-то школа, такая-то; старые формы, новые формы... Чехов в «Чайке» говорит устами одного из своих героев: «Да, я всё больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет потому, что это свободно льётся из его души»...

...Итак, основное требование к художнику, главнейшее предусловие его оригинальности и нужности, это, — быть самим собою...

...Процесс художественного творчества есть нечто очень сложное. Это какой-то совсем особенный процесс, очень мало сходный с обыкновенною умственною деятельностью. Художественная работа в главнейшей своей части происходит в глубокой, подсознательной области человеческого духа и отображает именно эту подсознательную жизнь человека, — его основное, «нутряное» отношение к жизни и миру, — часто самому человеку совершенно неясное, совершенно не совпадающее с его головными взглядами и убеждениями. Поэтому-то так часто и бывает, что крупный художник не в состоянии не только объяснить своего произведения, но даже сам понять его. Эту своеобразную особенность художественного творчества отметил ещё

Сократ. «Ходил я к поэтам, — говорит он, — и спрашивал у них, что именно хотели они сказать. И чуть ли не все присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами. Не мудростью могут они творить то, что творят, а какою-то прирождённою способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям»...

...Я прихожу к концу своей лекции, — а ничего не сказал о том, как нужно писателю писать. Нужно быть самим собою, нужно быть правдивым и искренним, нужно развиваться и расти нравственно, нужно уметь видеть и слышать. Теперь скажу ещё два слова о стиле. У каждого писателя есть и должен быть свой стиль... Ну, уж тут-то, кажется, придётся, наконец, услышать о том, как нужно писать, как вырабатывать свой стиль... Нет. Никакого стиля вырабатывать себе не нужно. Опять-таки: нужно только думать своими чувствами, видеть своими глазами, — и стиль придёт сам собою».

В нашей публикации мы процитировали основную мысль автора (вересаевский текст выделен курсивом), сквозной нитью проходящую сквозь всю лекцию «Что нужно для того, чтобы быть писателем?» — это **быть самим собою**.

Эту мысль можно дополнить несколькими цитатами из книги известного историка и литературоведа Вадима Кожинова «Стихи и поэзия»:

«Мы нередко слышим о ком-нибудь: «Он поэт в душе». Это значит, что понятие «поэзия» никак не исчерпывается способностью писать стихи. Поэт — это, прежде всего, человек особенного склада, особенной духовной организации. Тот факт, что он пишет стихи, — это, в сущности, внешнее проявление его натуры. Правда, нельзя стать поэтом на деле (а не только «в душе»), не обладая высоким даром поэтического слова...

...Настоящий поэт — это, прежде всего, глубокий и самобытный человек. Потому и нельзя воспитать, специально «создать» поэта... Рождение поэта совпадает по времени с рождением человека не как физического явления, а в целостном смысле слова».

Подготовил Юрий МАКСИН

Вересаев Викентий Викентьевич (1867—1945) родился в Туле в семье врача. В 1888 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, а в 1894 г. — медицинский факультет Дерптского (Тартуского) университета. Литературную деятельность начал как поэт. Известность молодому писателю принесла книга «Записки врача» (1901 г.), вызвавшая жаркие споры благодаря непривычно острому показу многих сторон профессии. Как врач Вересаев участвовал в русско-японской войне (1904—1905 гг.). «Рассказы о войне» (1906 г.) и записки «На войне» (1907—1908 гг.) посвящены героизму русских солдат и офицеров. По художественному методу Вересаев близок к писателям-реалистам. После революции Вересаев стал признанным советским писателем, в 1943 г. получил Сталинскую премию. Наиболее известные труды В. В. Вересаева как историка литературы — книги-биографии, построенные на воспоминаниях современников: «Пушкин в жизни», «Гоголь в жизни», «Спутники Пушкина».

СТИХИ УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»

СПЕШИМ ВПЕРЕД, ЧТОБ С ВОЛОГДОЙ СВИДЕТЬСЯ

Людмила Кузнецова

* * *

Снег сыплет, сыплет, чаще, чаще
На дом, крыльцо и дровяник.
Пустующий почтовый ящик
К забору шаткому приник.

И не читают, и не пишут.
А в шель для писем и газет
Болтливый ветер шумно дышит
Не первый год, с десяток лет.

Снежинки падают за ворот.
Через сугробы свой портфель
Малыш с трудом несёт. А город
Ждёт небывалую метель.

Меня же ноги по привычке
Несут к киоску «Роспечать»...
«Обед» — обидная табличка.
Я злюсь, и хочется ворчать.

Но рядом тот с портфелем кроха.
Он вдруг читает вслух стишок.
А значит, всё не так уж плохо.
Возможно, даже хорошо.

* * *

Морозно, холодно снаружи,
Но в доме жаром дышит печь.
А значит, не остынет ужин,
И будет серый кот стеречь
Сметану в круглой низкой кринке.
А бабка гнать его метлой,
Дед брюки штопать по старинке,
Корпя над ниткою с иглой.
Опять ворчать весь вечер будет:
«Плохие куплены очки,
Хороших нет костей на студень,
Мешают ночью спать сверчки».
Потом достанет из комода
Заветный орден боевой,
И скажет: «Чист перед народом».
И вспомнит битву под Москвой,
Что ранен был в боях под Ельней.
Старуха вдруг смахнёт слезу
И поцелует крест нательный,
Старик же — Красную Звезду.

Ольга Кульневская

В ВОЛОГДУ

А Вологда приветит нас распутицей,
Толпой людской
на тротуаре слякотном
И синевой,
что вдруг неожиданно спустится
И улицы завесит мягким бархатом.
А мы пойдем...
Стихи в пакеты спрятаны.
И путеводно светится
над крышами
Полоска неба
цвета «беж», примятая
Лиловой тучей,
круглою и пышною.
А нам, провинциалкам, это нравится:
И жутковато, и смешно, и весело,
Что нас встречает
Вологда-красавица
Своею незнакомой шумной песнею,
Суровым взглядом чудотворца строгого
В вечернем храме
рядышком с гостиницей...
...Ну, а пока железною дорогою
Спешим вперед, чтоб с Вологдою
свидеться.

Леонид Лешуков

МОЙ КРЕСТ

За рекой закат кровавый.
Бок отлёживает правый
кот на вымытом крыльце.
Веник в кованом кольце.
Вновь пошаливают нервы.
Донимает ежедневный
в тополях вороний гвалт.
Город ждёт. Я ехать рад,
но железное кольцо
на родном крыльце не хочет
отпустить меня пока.
Да далёкая река
манит тёплой протокой,
да знакомая сорока
ежедневно шлёт мне весть,
что грибов в лесах не счесть.
Мама засветло сходила,
а меня не разбудила.
Пожалела, знать, меня.
Берегут меня, хранят.
Только я, видать, беспутный,
Утром вновь на перепутье
маме, дому поклонюсь.
А вернусь ли — не вернусь?
Не загадываю боле.
Шаг за шагом через поле
по просёлку ухожу.
Белый крест в руке держу.

ВОЛОГОДСКАЯ ВЕСНА

В стороне, чужой, далекой,
где печаль я пил до дна,
мне почудилась, проокав,
вологодская весна.
Прилетела с первой стаей
громкогласых журавлей,
значит, снег уже растаял
в Вологодчине моей.
Соловьиные распевы
полонили чистотой
синей речки берег левый:
неввысокий, некрутой.
В тихом парке над угором
жжёт костер любви весна,
наклонилась над собором
бледноликая луна.
И звенят в раздольном беге
и сверкают родники,
и синее сини в небе
звезд холодных огоньки.
И бежит к реке дорога,
и спешит по ней весна
вдоль по улице пологой
в дом, знакомый, в три окна.
И качается над речкой
шаткий мостик подвесной,
вьёт вода вьюны-колечки
сине-белою волной.
И стучат по тротуарам
каблочки и каблучки,
город, старый и нестарый,
спит в излучине реки.
...Ты опять меня влюбила
и опять лишила сна,
соловьями разбудила
вологодская весна.

Дарья Вологина

ВОТ ОНИ, МЫ С ТОБОЙ...

Мы умеем:
тратить своё драгоценное время
на бессмысленные

разговоры, споры и проклятия
и надевать единственное короткое платье
на встречу с лицом, к которому
антипатия.

Вставать в 6:15,
чтобы успеть приготовить ужин, обед
человеку, который, вроде бы, нужен,
а вроде, и нет,

и...

находить ответ на вопрос, когда ты
и так перегружен
бесконечным количеством странных
забот и слов,

когда ты не видишь снов
и на всё готов,
чтобы порвать этот чёртов круг.

Прятать холодные капли своих слёз
за улыбкой, такой смелой,
но непривычной,
и думать всерьёз
о том, что внешне всё должно быть
отлично.

И срочно бежать от кого-то к чему-то,
вспоминаая смутно каждое утро,
в которое ты обещал
опустить курок,
но почему-то
так и не смог.

Боль причинять тому, кого ты любишь
и ровно столько же ненавидишь.

Выходить на улицу только ночью,
чтобы почувствовать её запах
и очутиться в её беспощадных,
но нежных лапах.

И смотреть на звёзды,
такие далекие и безгрешные.

А ещё топить своё одиночество
в литрах водки, не закрывая глотки
и пересматривая старые фотографии.

Говорить матери «Всё в порядке»,
когда еле дышишь
и ничего не слышишь, кроме бешеного
стука

своего сердца,
которое вот-вот выпрыгнет, не издав
ни слова, ни звука.

Вот она жизнь, без прикрас,
про двоих нас.
Таких молодых, но никому не нужных.
Грустных и непослушных.
Про нас с тобой в одиночестве тлеющих
и глупо верящих в то,
что когда-нибудь всё станет по-другому.

Вот они, мы с тобой.
Слепые, но вдаль смотрящие.
Наивные и бестолковые, но настоящие.

Виктория Кушина

* * *

В темном круге ветвистого дуба
Целовать твои руки позволь.
Ночь больна, и не слышно ни звука.
Холодеет от ветра ладонь.
В темном круге замшелых стволов
Я тянусь к твоей бледной руке.
Ночь темна, и не видно следов
На плывущей устало листве.
В темном круге стою я один,
По колено стою я один
В ледяной застоялой воде.

* * *

Пахнет осенней грустью —
Сухими листьями и дождем с крыш.
Я бы соткал тебе зонт из сохлых гвоздик
И завидших ладоней молитв,

Что затихли на полуслове.
Я бы ночью костры разжигал впотьмах,
Чтобы путь осветить тебе к дому,
Где кроме резьбы на ступенях,
покатых крыш,
Нет ничего. В буреломе —
Сонные ласточки льют в ночи
Свои горькие песни о громе,
Что сжигает гнезда и бьет во все,
Что им так знакомо.
И если я ласточка та — молчи,
Я укроюсь в доме.
И если ласточка я — молчи
И подставь ладони.

ОТКРЫТКА

Тонкие волосы сжаты в плетенье косы,
Крошечный рот в полумраке придавлен
улыбкой.
Ветхое время рисует портретам усы,
Ей, постаревшей, морщины дарует
с избытком.
Светел и чист в предрассветной тиши
океан.
Юноша в лодке ей машет с размытой
открытки.
Память печально подвывает на ней
сарафан.
Скрипнет под ветром засов приоткрытой
калитки.

Сергей Корчнев

* * *

Я всё забыл, оставив за порогом
Шальную ночь, обрывки тусклых снов.
Я одурел от утра, от такого,
Что с ним сравнима лишь Любовь!
Тепло от солнца, как от поцелуя,
Ещё молчанье птиц, нет шороха листвы,
Роса на шёлке трав, босой хожу я —
Весь мокрый и глухой от этой тишины!
Спускаюсь к речке чьими-то следами,
Вдыхая аромат раскрывшихся цветов.
Туман, как запах — густ и осязаем,
Вхожу в него, как в первую любовь!
В речной прохладе, с лёгким замираньем,
Ныряю в солнце, раздробив в волне.
И я плыву, и я борюсь с желаньем —
Навек остаться в этой тишине!
Но, нет! Туда — где ночью жизнь сияла,
Я возвращаюсь, где тепло и кров!
Ты улыбаешься мне из-под одеяла!
Уже проснулась, ты?

Да здравствует Любовь!

ЗАВАЛИНКА

Наш городок — маленький,
Все жители в нем — соседи,
Вместо ботинок — валенки,
Вместо собак — медведи!
Живут — не живут, вроде бы,
Пьют водку да чай с бубликом.
Вот такая, моя Вологда —
Сама по себе Республика!
Есть у меня развлечение —
Поливать на окне настурцию,
А еще есть одно влечение —
В Череповец — на экскурсию!
А нет, так пойду к Варюшке,
А то скоро лето кончится,
Одену на руки варежки —
Замерзнуть больно не хочется!
Пойдем с ней гулять вечером,
Всю ночь просидим на завалинке,
А чо — мне терять нечего,
Разве что только валенки!
А вдруг, не захочет завалинку —
Внезапно захочет в Турцию?
Придется продать валенки!
А потом еще и настурцию?!
Нет, не пойду к Варюшке —
Зимы-то нонче длинные!
Продам-ка я лучше варежки
И пойду в магазин винный!

СТИХИ УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»

Дмитрий Калашников

* * *

Молчит златая лесопилка,
Медведь глядит из-за угла.
На зелень шук готова вилка,
Готова к чаю пастила.

Постель заправлена, кадушка
Блестит колодезной водой,
И слышно в чаше, как кукушка
Протяжно «рэп» читает свой.

* * *

Капля. Озеро. Река.
Небо. Солнце. Облака.

Ветер. Бабочки. Цветы.
Свет и радость. Я и ты.

* * *

Только бабочки знают, где край
неземного блаженства,
Где душа обретает живые черты
совершенства,
И пионы цветут, облетая зари лепестками,
Золотятся долины сквозными закатными
снами.

Всё воздушнее дни, всё теплее
родная улыбка,
Словно в мутном ручье появилась
блестящая рыбка,
Словно треснула соя, и тысячи быстрых
жемчужин
Раскатились по кочкам, по ямам,
по пням неуклюжим.

Только чуткий способен узнать своё
лучшее время,
Когда кто-то повесит на шею
счастливое бремя,
Когда чья-то рука перекроет печаль
и разлуку,
Заревая душа победит бесконечную муку.

Только бабочки знают пути
до небесного царства,
Из нектарных цветов добывают лесные
лекарства,
Веселятся, летят над одетыми в зелень
холмами,
На закате горят золотыми, как детство,
словами!

Игорь Круглов

* * *

Сосны в инее, ёлки в инее,
Иней белый на тополях,
Просыпаешься вместе с именем,
Будто с инеем на губах...
Утро раннее, солнце красное.
В небо синее дым столбом,
Поглядишь вокруг — дело ясное,
Всё прекрасное за углом.
День сегодняшний или завтрашний?
Только будущим и живём!
Грустно, весело, даже страшно,
А мы, упрямые, вдалеке бредём.

Вера Багрецова

* * *

Печали твои не со мною,
Их осень уносит с дождём,
Я в лучшее верю с зимою,
С январским разбуженным днём.
Когда вся, до крыш утопая
И пряча былую красу,
Моя сторона голубая
Завьюжена в синем лесу...
Захочется в белых березах
Увидеть бревенчатый дом,

И северным утром морозным
С печным просыпаться дымком...

* * *

С сургучных сумерек болот,
По красной клюкве мокрым следом
Туман ушёл. Ему неведом
Уют некрашенных дворов.
По топкой гаревой глуши
Катились звёзды обречённо,
Да с пней, в короны облачённых,
Алмазы падали в тиши.
Сосновая резная вязь
Из хвойных лап... Лес тихо дышит
И шаг зимы совсем не слышит,
И спит, в сугробах затаясь.
Разгул заносчивых ветров...
Жемчужный север на ладони...
За лесом — там, где व्यюга стонет,—
Чердачный мир глухих дворов.
Но он меня обворожит
И знак подаст полупрощальный
На откровенность мысли тайной
И осязаемость души...

Галина Плетнева

КРАПИВА

Я — трава.
Крапива я!
Невзрачная,
Некрасивая.
Для кого-то я
Недотрога,
Встала — руки в бок —
На дороге.
Без ручья - реки
Не высохну,
В две сажени, ужо,
Вымахну.
А взвизжит коса —
Снова вырасту,
Соком выбрызну,
Слышно за версту!
Я трава, крапива я.
Жгучая,
Незлобивая,
Незаметная,
Придорожная.
Я живучая
И надежная.

Лидия Дурагина

ПОЧЕРК

Строчку я пишу за строчкой,
Запятые ставлю, точки.

Ряд последний вышел криво,
Да и буквы не красивы.

Буква к букве наклонилась,
За другую зацепилась.

Это почерк мой хромает,
Буквы падать заставляет.

СТАРШИЙ БРАТ

У меня есть старший брат,
С ним играть всегда я рад.

Я-то рад, да он не рад,
Потому что старший брат.

АВТОСТАНЦИЯ РАЙОНА

Автостанция района,
Пассажиров — пруд пруди.
Вот автобус в Устюг. Полон.
Мест свободных не найти.

А к водителю бабуса:
«Убедительно прошу!

Посадите меня стоя,
Я и стоя посижу!»

Наш автобус отбыл вскоре,
Мне ж хотелось посмотреть:
Интересно, как же стоя
Сможет бабушка сидеть?!

Алена Снезик

ОСЕННИЙ ВОЗРАСТ

Щебечут звонко толпою пестрой
Наивно-глупые, незнакомые.
Глаза блестящие, помады броские,
И пахнут юностью, духами новыми.

И смех задорный в устах малиновых.
Мечты несутся конями бойкими.
А осень сыплет лиственной рябиновой...
Надежно скрыта тетрадка с двойками.

А бабье лето погодой дразнится
И манит, манит девчат на улицу!
А мне уже... Да какая разница!
Возьму и выйду! Пускай любятоя!

Но спросит юноша — тот, с улыбкою:
«Скажите, женщина, сколько времени?»
Недоумение: «Не ошибка ли?»
Да нет, к тебе обратился. Верно все!»

Под козырек возьмет взрослый дяденька
И подмигнет, знать, не все потеряно!
Еще вчера я с толпой нарядною...
«Так все же, женщина, сколько времени?!»

Евгений Туманов

* * *

Мне деревню эту не спасти,
Да и кто спасти ее сумеет?
Только тихо: «Господи, прости!» —
От души до неба ветер веет,
Храм стоит один, без куполов,
Словно шапку сбросил над могилой.
От души до белых облаков
Ветер веет: «Господи, помилуй!»
Ночью месяц, словно серп, висит,
Может, жатву с поля убирает.
Ветер веет: «Господи, спаси!»
Здесь душа России умирает.

* * *

Пригорюнился в углу домовой.
Печь не топлена стоит десять лет.
Над деревней, над пустой, неживой
То ли вечер загрустил, то ль рассвет.
Календарик на стене отрывной
Все одно и то же кажет число
С красной цифрой, значит, был выходной.
Снегом белым все крыльцо занесло.
На калину снегири прилетят.
День воскресный здесь навечно теперь.
Здесь потемки с тишиной говорят
И скрипит незатворенная дверь.

Сергей Истомин

* * *

Я пьян. Меня друзья ведут
По грязным улицам Москвы.
В который раз презренный шут
Испортил праздник им — увы.

Я так противен, но они
Спешат — отходит поезд мой.
Метро, вокзальные огни...
А я твержу: «Домой, домой...»

Успели мы. В который раз
В последний падаю вагон.
Закрыв глаза, шепчу: «Я вас...
Люблю...». Уносится перрон.

Ищу купе. Беру белье.
В тяжелом забываюсь сне.
И сердце бедное мое
Вдруг слышит голос в тишине:

«Когда умрут отец и мать
И опустеет дом родной,
Куда тогда с тобой бежать,
В вагон садить тебя какой?

Свобода так горька — увы.
Ты к ней готов, поэт и шут?»
Я пьян. По улицам Москвы
Мои друзья меня ведут...

Сергей Печезерцев

* * *

На зари вечерней пламя-зареве,
Смотрят уцелевшие дома...
Может, что-то было и неправильно,
Позже разберётся жизнь сама!

В сердце сохраняю я дом с верандою,
Пёстрые в избе половики.
Сотканные бабушкой Ульяною,
Что жила поодаль у реки...

Летом в зной черёмухи душистые,
Тенью нас манили на скамью...
Громко пели птицы голосистые,
Детство проходило как в раю...

Дом, в котором годы мои детские,
Ветром пролетали за окном.
Были времена тогда советские,
Но в углу иконы над столом.

Все тогда во власть с надеждой верили,
Радовались будущему дню.
Деньгами богатство — нет, не мерили
В праздник приглашали всю родню!

Всё ушло, уклады нынче новые.
Только вспоминаем о былом,
Ветками шумят боры сосновые,
Птицы машут памяти крылом...

ИГОЛКА СУДЬБЫ

Дай мне нить, паучок, золотую,
Её вдену в иглолку судьбы...
И на днях, проходящих впустую,
Вышью к Богу народа мольбы.

Буду штопать глубокие раны
Без наркоза, до боли. И пусть
Видят все воровство и карманы,
Что набиты за счёт тебя, Русь!

Кирилл Панько

РАЗБАВЛЕННЫЕ ЛЮДИ

Замечаю, с времени давнего,
Много стало чего разбавленного.
Молоко пополам с водою,
Да и водку пивал, не скрою,
Что гореть ни за что не стала,
И на холоде в лед замерзала.
В магазине состав читаю
Колбасы, и вот замечаю,
Кучу разных добавок странных,
Цифр и букв череду иностранных.
Ну, немного там есть и мяса,
Но, разбавлены и колбАсы.
Кофе в гранулах — дрянь несусветная,
Чай в пакетиках — не советую,
Серый хлеб из муки сомнительной...
Что ж хотеть тогда от потребителей?!

Умирает, страны прославленной,
Человек, тот еще, не разбавленный,
Сжав в кулак орден «Красной Звезды»...
А на смену приходим мы.
Разбодяжены в плане морали,
И на подвиг готовы едва ли...
Новый ГОСТ нынче на человечину.
Да и им-то не все отмечены.

ФОТОГАЛЕРЕЯ «ВЛ»

Организатор премии «В начале было слово» – депутат Государственной Думы РФ Е.Б. Шулепов

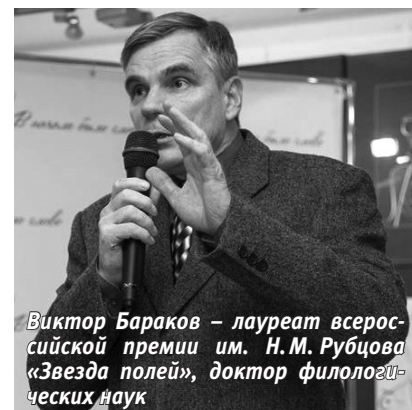
Геннадий Иванов – первый секретарь Союза писателей России

Вручение премии Сергею Корчневу

Владимир Личутин – лауреат Государственной премии Правительства РФ

Виктор Бараков – лауреат всероссийской премии им. Н.М. Рубцова «Звезда полей», доктор филологических наук

В. Лютый, М. Карачёв, В. Личутин

Роберт Балакшин и Владимир Личутин

Руководитель семинара поэзии Михаил Карачёв

Слово председателя Совета по критике при Союзе писателей России Вячеслава Лютого на секции поэзии

Руководители литературного семинара

Евгений Шулепов и Наталья Мелехина на открытии семинара

Подарок от классика Елене Аникиной

Людмила КУЗНЕЦОВА

КАРТИНА РЕПИНА

В НАЧАЛЕ мая Гавриловка оживала. Громче кричали петухи, злее лаяли собаки. По улицам, сталкиваясь с велосипедами дачников, веселее бегали безнадзорные овцы. День удлинялся, игнорируя ночь, почти не оставляя ей места на высоком берегу реки, где стояла деревня. Пашня за околицей, не встречая никаких препятствий, простиралась до самого горизонта, первой ловила тёплые лучи пробудившегося солнца. Избушки абorigенов и терема зажиточных городских хозяев равномерно освещались богатым светом и верилось, что природа благосклонна ко всем одинаково.

С восходом солнца Шурка-кривая спешила на ферму к утренней дойке. Кутаясь в цветастый платок, она торопилась, склонив голову на бок и подволакивая правую ногу. Казалось, что молодая женщина сосредоточенно разглядывает носки ботинок, выглядывающие из-под длинной, синей юбки. Привычка не смотреть по сторонам выработалась с детства. Авось, никто её не заметит, и лишний раз не окликнет обидным прозвищем. Тропка резко свернула вправо, и женщина вышла на грунтовую дорогу. Впереди раздалось тарахтение мотора. Дребезжащая «пятёра» поравнялась с местной жительницей и притормозила. Из окна автомобиля выглянул мужчина. Его молодое лицо обрамляла русая борода. Густые пряди волос более светлого оттенка падали со лба на вовсе бесцветные брови.

— Шура, здравствуйте! — весело произнёс водитель,— Вы, как всегда, с восходом солнца на работу! А я приехал в этом году пораньше. Манефа Никодимовна ещё жива?

Женщина ответила, всё так же не поднимая глаз.

— Здравствуйте. С приездом. Манефа Никодимовна в здравии. Ждёт Вас каждый божий денёчек. Как только снег стаял, так она всё и ждёт.

И Шурка поспешила дальше. ...Сколько лет было бабке Манефе, никто не знал. Она тоже умудрилась забыть о дате рождения, да ещё и паспорт потеряла, который с неё спрашивала разве что для проформы только почтальонка в день выдачи пенсии. Услышав, что паспорта нет, почтальонка каждый раз угрожала: — Никодимовна, выправляй паспорт. В следующий раз пенсию не выдам.

Следующий раз продолжался уже лет десять. Поговаривали, что как раз лет около пяти назад и приходило для бабки из областного центра приветственное письмо от губернатора, где он поздравлял её с девяностолетием, как ветерана войны и труда. Может, главный чиновник ошибся, может, в деревне кто соврал, но интерес к возрасту коренной жительницы Гавриловки не угасал. Были у бабки когда-то и сыновья, внуки, даже правнуки. Но никто не приезжал к ней в деревню, никто не писал и не звонил в сельповский магазин, где была телефонная связь, по которой многие городские справлялись о здоровье стариков: живы ли, ходят ли в магазин, не надо ли им чего?

Бабке Манефе, похоже, ничего было не надо. Всё лето она сидела у ворот дома на лавке в широком сером фартуке с большими накладными карманами, одетом поверх старомодного платья с пожелтевшим кружевным воротником. Почти беззубая гребёнка украшала макушку головы с пучком седых спутанных волос. Была бабка неразговорчивая, порой никого уже и не узнавала. Только когда соседский Пашка, сын Шурки-кривой, мимо пробегал, тянула к нему потемневшую сухую руку с длинными заскорузлыми пальцами и скрипела жутким голосом:

— Конфетку хочешь?

Но Пашка мимо пробегал, как ошпа-

ренный. Манефу он боялся, и представлялась она ему Бабой-Ягой, о которой в детских книжках рассказывается. Мать же Пашки, наоборот, престарелую соседку жалела, помогала ей по дому и даже районную газету вслух читала. А в прошлом году у бабки Манефы радость случилась. Приехал в июле из города художник по фамилии Репин, лохматый да усатый. Сказал он, что на этюды в Гавриловку прибыл, и снял у должжительницы абсолютно бесплатно угол в доме, то есть всю веранду и летнюю комнату в передней половине. Ходил живописец с мольбертом по деревне и окрестностям целый месяц, а потом уехал и сказал, что в следующем году приедет на всё лето, так как эскизов и набросков сделал много и даже начал не одну картину писать. Бабка Манефа обещала не умирать и дожидаться приезда, добавив при расставании:

— А и помру, так всё равно приезжай. Дом пустой стоять будет. Никому не нужен. Ключи я Шурке велю забрать, вдруг кому пригодятся.

...В это весеннее утро не спалось и местному пьянице Бедунову, который кругами ходил по деревне и искал способ опохмелиться. Ему несказанно повезло. По улице с величественным названием Главная, обгоняя его, катила красная легковушка. Бедунов, воспрянув духом, возбуждённо подпрыгнул и побежал рядом, хватаясь руками за стёкла и расплываясь в улыбку.

— О-о-о, картина Репина «Не ждали»! — обрадованно закричал он, узнав прошлогоднего гостя.

Художник остановил «пятёру» у дома и вышел из машины. Бедунов с расплывшейся улыбкой юлил вокруг приезжего, боясь поверить в утреннее видение и вспугнуть удачу.

— Репин! Приехал! Друг, у тебя выпить не будет? — добродушно заканючил он.

— Стопарик налью после разгрузки машины.

Бедунов засуетился, схватил первую попавшую коробку и потащил к дому.

— Чего это у тебя столько барахла, на всю жизнь, что ли, приехал?

— На всё лето. А в конце августа выставку картин для всех устрою прямо на улице у магазина. Хочу послушать голос народа, так сказать, настоящую критику. — Вот праздник-то будет,— обрадовался Бедунов,— жаль, что в конце лета. А раньше никак? Никотиновна, открывай, Репин приехал!

Он нетерпеливо, с силой забарабанил в дверь, чтобы старушка расслышала стук наверняка и дала бы, наконец, стопарик, который художник обещал наполнить водкой.

...Шестилетний Пашка весь день пробегал за приехавшим Репиным. Лохматый дядька ходил то к околице, то к реке, то к старой липе. Долго рассматривал избу механизатора Титова с резными окнами, колодец и яблони в саду бабушки Поли, а еще овец дяди Кости и спящего кота на лавке у магазина. На модные, добротные дома дачников Репин не обращал внимания. Он говорил Пашке, что ищет идеи и сюжеты для вдохновения. А современная архитектура его нисколько не вдохновляет. Пашке было радостно оттого, что художник говорил с ним как с взрослым, и оттого, что ему будет с кем общаться, пока не приедут из города на лето ребята. Отец почти всё время на центральной усадьбе или в поле. Рабочих не хватает. У мамы тоже много дел и на ферме, и дома. Надо всех накормить, постирать, прибраться, и бабке Манефе помочь. Отпусков у мамы нет. Коровы без отпуска молоко дают, и она их бросить не может. Мама добрая, тихая. Сыну обидно, что нет-нет да и скажет иногда кто-нибудь в деревне: «У Шурки-кривой спроси. Она всегда газеты читает», или: «Не видели Шурку-кривую? Её в сельсовете ждут». Совсем незаметно она хромает, и юбки до полу только из-за этого носит. А голову на бок склоняет, и платок по самые брови повязывает, так как скромная очень. И самая лучшая. Пашке после таких рассуждений всегда становилось легче. Он схватил прутик и побежал за овцой дяди Кости. Увидев издалека опирающуюся на клюку бабку Манефу, мальчишка юркнул в раскрытую калитку и спрятался в чужом огороде.

...Лето для жителей Гавриловки пролетало значительно быстрее, чем студеная зима или мокрая осень. Пашка подрост и загорел. И без того светлые волосы выгорели так, что голова стала похожа на белую ромашку с жёлтыми конопушками вокруг носа. Много чего случилось за лето. Дядя Костя купил индюка и двух индюшек, и детвора до сих пор не могла привыкнуть к невиданным ранее птицам. У бабушки Поли украли двух кур. Все подозревали в хищении Бедунова, но тот отнекивался и во всём винил дачников с их пагубной страстью к шашлыкам. Но самым значительным и долгожданным событием стала выставка картин. Кражи в деревне бывали, свадьбы и похороны тоже. А выставка картин была впервые. Репин развесил пейзажи и натюрморты на заборе с обеих сторон возле сельмага и на стенах магазина, и на стоящих рядом берёзах, в рамах и без рам. Посмотреть живопись собрались и коренные жители Гавриловки, и многочисленные дачники. Не было только Шурки-кривой, не любила она сельские сходы.

На обозреваемых полотнах легко узнавались родные пейзажи. Народ радовался, смеялся и громко обсуждал. То и дело раздавались голоса.

— Глянь, Андреевна, это ж твой дом! И яблоня ветками на крышу падает, и калитка на одной петле висит.

— Дядя Костя, это ж твой кот на скамейке дрыхнет. Вот лодырь. Даже на картине спит!

— Смотрите! А кто это удочки с плота закидывает? Никак Бедунов! Точно, рубаха его. Только издалека плохо видно.

Бедунов поспешил, было, на возгласы, но нетрезвый, ослабленный организм качнуло, ноги заплелись, и он рухнул под одной из картин. Чертыхаясь и стряхивая пыль, он поднялся, держась за забор. Взгляд его упал на картину, за которую он, падая, чуть было не схватился. И Бедунов замер. Через несколько секунд он ошарашено закричал:

— Семёныч! Сюда иди, скорее. Шурка здесь!

Он, тыча пальцем в картину, нетерпеливо смотрел в сторону Пашкиного отца. Толпа устремилась на раздающиеся вопли. На картине во весь рост была изображена молодая женщина, выходящая на берег из реки в полотняной белой сорочке до шиколоток. Мокрая ткань прилипла к её телу. Слегка склонив статную фигуру, она отжимала руками густые длинные волосы, с которых ручейком стекала вода. Виделось дрожание солнечных бликов в реке, сопровождающих движение гибкого тела. Расходившиеся по воде круги повторяли очертания бёдер и плеч, не тронутых загаром. Открытый лоб, большие серые, чуть испуганные глаза, казалось, смотрели на кого-то, кто стоял на берегу.

— Шурка это, точно Шурка! — не мог успокоиться Бедунов. И толпа одобрительно зашумела и в разнойой подтвердила: «Шурка, Шурка».

— Картина Репина... «Приплыли»,— пробормотал Бедунов, подводя итог происшедшему.— Семёныч, да она ж у тебя... Это самое, как оно... Красавица!

Пашка даже завизжал от радости, а всегда молчаливый отец, достав сигаретку изо рта, пытаясь скрыть волнение, сказал:

— А кто бы сомневался! И не Шурка, а Александра Ивановна. Жена моя.

Люди пытались подойти к картине поближе, толкались, протискивались вперёд. Пашку оттеснили. Он, счастливый, выкарабкался из толпы, расчищая себе дорогу между робами трактористов и спецовками животноводов, задыхаясь от запаха солярки, навоза и внезапно нахлынувшего счастья. Пусть смотрят. Пусть видят, какая у него мама. Он побежал, было, к Репину, который стоял, прислонившись плечом к берёзе, но в это время туда же поковыляла бабка Манефа, и Пашка спрятался за древесным стволом. Он прильнул к дереву и услышал скрипучий страшный голос:

— Милок, слушай! Ты меня тоже нарисуй так же, как Шурку, Олександру, то есть.

Помолчав и пошевелив растрескавшиеся губами, она добавила:

— Нарисуй меня так, чтобы Пашка не боялся...

Елена АНИКИНА

БЕРЕГА

— МИТЯ, ты так и будешь сидеть, уткнувшись в книгу?

— Ммм... — Дмитрий Александрович, мы с тобой в отпуске или где?

Мичман Дмитрий Лукин поднял голову от лощи и отсутствующим взглядом уставился на друга:

— Илья, ты что-то сказал? Тот вздохнул, покачал головой и повторил:

— Мы же в отпуске. Дай себе хотя бы небольшую передышку.

— Экзамен скоро...

Илья Байков, бывший крепостной и кадычный друг вчерашнего кадета Морского корпуса закатил глаза:

— Ты ещё тысячу раз успеешь повторить эти несчастные формулы и карты. Смотри: вот море, вот костёр, на котором жарится рыба, откос и трава. Скажи, ты где-нибудь видишь капитана, адмирала, или какого-то иного человека в форме?

— Ммм... — мичман Лукин старательно покрутил головой, расстегнул верхнюю пуговицу и улыбнулся: — Вижу. Себя.

— Такними мундир и забудь на сегодня обо всём. Тебе нужен отдых. Лощия никуда не убежит. Правда,— в синих глазах Ильи заискрился смех.

Митя секунду сидел неподвижно, потом рассмеялся в ответ, аккуратно закрыл журнал, спрятал его в сумку и расстегнул ещё пару пуговиц на кителе.

— Так лучше?

Друг смерил его скептическим взглядом:

— Н-не совсем. Ты похож... на старого чопорного английского лорда.

— Что-о?

— Ну... это я, конечно, погорячился. Но если будешь продолжать в том же духе, превратишься в старого чопорного лорда.

— Если я буду продолжать в том же духе, то превращусь в капитана!

— Ты сначала экзамен на лейтенанта сдай,— подначил товарища Байков.

— Ты во мне сомневаешься?! — мичман угрожающе насупил брови.

— Нет-нет, что ты! — Илья испуганно округлил глаза, вскочил на ноги, рассмеялся и тут же переменял тему: — Митя, может быть, испугаемся?

— Уже темнеет...

— Испугался?

— Ах, ты! — Дмитрий в один миг оказался на ногах и прямо через костёр прыгнул на друга.

Они покатались по песку, мутузя друг друга. Ещё в корпусе товарищи прозвали Лукина Русским Геркулесом. Илья почти не уступал ему в силе. В деревне под Курском, где выросли мальчишки, все соседи величали Байкова медведем. Но в этот раз Дмитрий легко уложил его на лопатки.

— Признаю поражение! — в притворном ужасе вскричал Илья.

— То-то же,— мичман удовлетворённо кивнул и, оттряхнув китель, поднялся на ноги.

— Чёрт, рубашку порвал,— Илья сел на песок, соорстил огорчённую физиономию и ухватился за оторванный воротник.

— Извини, Илюшка.— Лукин смущённо улыбнулся, протянул руку и одним движением поднял друга на ноги.

— Придумаем что-нибудь.— Байков вытряхнул из волос песок и ракушки и вновь кивнул: — В море?

На этот раз друг не стал упрямиться. Скинул сапоги, китель и рубашку и первый бросился в воду.

После купания жареная рыба оказалась им настоящим деликатесом.

Огромное красное солнце с шипением потонуло в волнах. Багровые, нежно-лиловые, опаловые сполохи скоро потухли, и на небе зажглись первые звёзды. Сначала тусклые и высокие, они мерцали в чернильной вышине, и чем темнее становилось небо, тем ярче зажигались звёзды. Пояс Ориона сиял прямо над головой, левее и выше мерцала Кассиопея.

ПРОЗА УЧАСТНИКОВ ПРЕМИИ

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»

• **Продолжение. Начало на 7-й стр.**

— Смотри, Илья,— Вега, а вон Большой Пёс и Сириус. А Юпитер горит как фонарь на марсовой площадке,— проговорил Митя.

— Все-то ты, брат, звёзды знаешь наперечёт,— откликнулся Илья.

Они лежали у затухающего костра, закинув руки за голову, и смотрели в небо. Мириады звёзд раскинулись над головой. Казалось, протяни руку — и коснёшься их. Маленькие волны лизали гальку на берегу и с шорохом откатывались назад, прохладный бриз чуть шевелил волосы.

— Как ты думаешь, я сдам экзамен? — неожиданно спросил Лукин.

— Конечно,— усмехнулся друг.— Я даже не сомневаюсь. И уверен, скоро увижу тебя в золотых эполетах.

— Может быть... — спустя долгое-долгое мгновение тихо откликнулся Дмитрий.

* * *

Капитан 1 ранга, командир фрегата «Рафаил» Дмитрий Александрович Лукин медленно шёл по берегу. Сапоги увязали в рыхлом песке. Море шумело рядом. Море, которое давным-давно стало его сутью. Самой его жизнью. Его корабль и экипаж — домом и семьёй. Хотя нет, семья у него была. Жена-красавица Анастасия и двое сорванцов — Николай и Константин. Но они сейчас очень-очень далеко от него. Дмитрий вздохнул. Жаль, что Тася и мальчики не рядом. В начале июня на Эгейском море прекрасно.

Он обернулся, услышав торопливые шаги.

— Господин капитан, пакет из штаба,— запыхавшийся адъютант вскинул руку к козырьку фуражки и протянул Лукину пакет.

Тот разорвал конверт, пробежал глазами несколько строк и нахмурился:

— Разведка обнаружила турецкую эскадру на подступах к острову Лемнос. Сей же час выступаем...

Он кивнул молодому ординарцу, развернулся и стремительно зашагал прочь.

* * *

— Илья Иванович, для вас письмо от адмирала Сеньявина.

Личный кучер императора Александра Павловича, Илья Иванович Байков, медленно поднялся на ноги, расправил бороду и степенно взял с серебряного подноса конверт.

— Не иначе его благородие пишет о Мите. Что же он сам-то не написал? Может, ранен?..— голос лейб-кучера невольно дрогнул.

Байков встряхнул, расправляя, желтоватый плотный лист и впился глазами в чёткие, написанные твёрдой рукой, строчки.

Адмирал Сеньявин писал: *«Июля первого дня сего, тысяча восемьсот седьмого года, около восьми часов утра началось сражение. Назначенным кораблям приказано было атаковать неприятельских флагманов вплотную. Турки сосредоточили огонь на «Рафаиле», который шел впереди и не стрелял, стремясь как можно ближе подойти к ста двадцати пушечному «Мессудие» Сайда-Али. Однако, потеряв управление из-за поврежденных парусов, «Рафаил» сам увалился под ветер и прорезал неприятельскую линию между «Мессудие» и «Сед-эль-Бахри». Его атаковали два линейных корабля, два фрегата и бриг. «Мессудие» уже готовился свалиться на бордаж, но меткий огонь «Рафаила» заставил капудан-пашу отойти. Стреляя с обоих бортов, «Рафаил» прорезал строй противника, давая возможность остальным кораблям завершить разгром турок. К десяти часам утра, получив серьезные повреждения, все неприятельские флагманы вышли из строя и стали в беспорядке отходить к Афонскому полуострову. Наша же эскадра не потеряла ни одного корабля. В сём бою по-*

гибли семьдесят восемь человек. В основном из экипажа «Рафаила». Среди павших был и Дмитрий Александрович Лукин. Капитан Лукин похоронен в море ввиду горы тело опустили в воду, положив под голову большую пуховую подушку. Но прикрепили к ногам не очень много груза, и голова осталась на поверхности воды. Команда, искренне любившая своего командира, закричала: «батюшка Дмитрий Александрович и мертвый не хочет нас оставить». И весь экипаж плакал, провозжая своего капитана, пока намокаяя подушка не скрылась под водой».

Илья резко побледнел и скомкал листок. Рухнул в кресло. Подлокотник хрустнул под могучей рукой. Щепка впилась в ладонь, до крови разорвав кожу. Но он не замечал боли.

— Митя... Митя... Как же ты...

Байков стиснул кулаки, одёрнул сюртук и решительно поднялся на ноги:

— К государю пойду. Буду хлопотать о пенсии... вдове Митиной, Анастасии Ефремовне и детишкам его, Косте и Николеньке.

* * *

...Тридцать с лишним лет спустя, совершенно седой, но ещё крепкий, широкоплечий человек с окладистой бородой медленно брёл по кромке Финского залива, загребая сапогами песок. Он услышал чьи-то шаги за спиной и невольно остановился.

— Илюша?..— окликнул его, кажется, давно забытый и такой знакомый голос.

Дыхание сбилось, и сердце перестукнуло не в такт. Он медленно выдохнул. И медленно-медленно, будто расталкивая грудью вязкую неподатливую воду, обернулся...

Людмила ПРОКОПЕНКО

СОТРЯСЕНИЕ
МОЗГА

В ДВЕРЬ застучали ногами:

— Лариска, открывай! Открывай скорее!

«Господи, опять, видно, моего пьянчугу волокут,— подумала Лариса, услышав голоса собутыльников мужа,— снова где-то нажрался».

Она открыла дверь и, не дожидаясь, когда они войдут, пошла в комнату.

— Ларка! Звони в больницу. Твой с третьего этажа упал.

Дружки с Иваном решили выпить винца. А чтобы никто им не мешал, они забрались на стройку. Вечером, когда никого уже там не было, уселись в комнате на третьем этаже, сложив подвернувшиеся ящики в виде стола и стульев. Пили долго. Куплено было и вино, и пиво, и водка. На закуску денег почти не оказалось. Закусывали жевательным мармеладом.

— Мужики, а закусь очень даже ничего! — нахваливал Иван. Другие весело поддакивали, жуя эту жвачку.

Захмелев, Яшка уснул, Сидор затянул блатную песню, Гошка начал материть свою дуру жену, доказывая, что она его женила на себе насильно. Иван поднялся.

— Ты куда? — Гоша удивлённо посмотрел на качающегося Ивана.

— До ветру я,— махнув куда-то в сторону рукой, сказал тот.

— Ну-ну, не задерживайся.

Иван подошёл к дверному проёму.

— А-а-а! — донеслось откуда-то снизу. И всё стихло.

— Ванька, ты где?

Гоша поднялся и на нетвёрдых ногах пошёл за Иваном. Только на краю балкона Гошка понял, что вместо лестницы Ванька вышел на балкон и рухнул вниз. На земле, лицом вверх, лежал в неестественной позе его закадычный дружок и не шевелился.

— Мужики, Ванька-то того, убился...

Хмель сразу же выветрился из голов друзей.

— Как убился? Где он?

Они выскочили наружу. Иван лежал всё в той же позе.

— Ванька, ты жив?

Яшка осторожно потряс Ивана за плечо. Они слышали тихий стон.

— Хватай его. Давай до дому скоренько...

И уже дома опять заторопили жену дружка:

— Ларка, звони в больницу!

— Ну что ещё? — Лариса выглянула из комнаты.

— Не видишь, Ванька убился!

— Туда ему и дорога! — ответила она. Но на всякий случай подошла к лежавшему на полу Ивану.— Да он вдрызг пьяный! Опять какую-нибудь сивуху пили?

— Да ты чего, не видишь, он же весь в крови. Вызывай «скорую»!

Яшка подскочил к телефону, набрал номер неотложки. «Скорая» приехала быстро. Пожилая врачиха, осмотрев лежавшего, возмущённо сказала:

— Этого алкаша мы никуда не повезём. Не одна больница его всё равно не примет. Тем более у него сотрясение. Пусть отлежится. Десять дней не вставать. Хуже будет, позвоните.

На том и уехали.

Дружки ушли, а Иван, не открывая глаза, бормотал что-то нечленораздельное.

Лариса зло смотрела на него:

— Вот взять да приложить чем-нибудь тяжёлым, чтоб очоурился. Потом разбейрайся, отчего умер. «Скорая» видела, что мужики притащили такого. Шишкой больше, шишкой меньше, кто теперь определит, откуда она взялась. А разбираться будут, так ведь дружки его и скажут, что «убился» на стройке. Еле живого притащили. Вот и помер. И концы в воду. Да никто и разбираться-то не будет. Пьяница и есть пьяница. Надо тюкнуть. А то вдруг очухается, да инвалидом останется? Кто его знает, что он там повредил, с третьего этажа на кирпичи падаючи.

Лариса пошла на кухню. Взгляд остановился на чугунной сковородке с ручкой. Покачала на весу. Да, это то, что надо. Зашла в комнату. Села на табурет и поняла, что не сможет ударить. Не поднимается рука на этого гада. Бросила на пол тяжёлую сковороду и завyla навзрыд. Поплакала. Вытерла слёзы о полу халата. Попыталась поднять пьяного на диван, сил не хватило. Заплакала вновь, а потом уснула тут же возле лежащего мужа, прикрнуv на угол дивана.

На следующий день вызвала вновь «неотложку». На этот раз Ивана забрали. Увезли в больницу. Две недели он лежал без сознания. Бормотал что-то несвязное или же мычал какие-то непонятные мотивы.

Очнулся он в субботу к вечеру. Долго глядывался в лица находящихся в палате людей.

Затем спросил:

— Где я?

Ему ответили. Он непонимающе посмотрел вокруг. Сосед по койке жалостливо спросил:

— Ну что, Иван, очухался?

Тот не прореагировал.

— Ваня, ты что, не слышишь?

— Это мне? — удивлённо спросил Иван.

— А то кому же?

— А что, меня... Иваном зовут?

— А ты и не знал...

Иван пожал плечами.

— У тебя что, память отшибло?

— Не знаю. Может быть.

— Фамилию-то свою помнишь?

Иван напряг память, но вспомнить ничего не смог.

Старичок с койки у дверей скоренько встал и поспешил в коридор искать врача.

— Так, так, так. Очнулся. Ну что ж. Хорошо.

Врач осмотрел Ивана. Постучал молоточком по колену. Поводил им перед глазами больного и со знанием дела промолвил:

— Прекрасненько, прекрасненько. Потеря памяти может быть связана с ударом. А может быть, и нет. Чудненько. Будем наблюдать, больной. Да-с. Надеюсь, память восстановится. Вам нужны радостные

эмоции. Поддержка родных. Ну а мы со своей стороны сделаем всё возможное.

И он пошёл, на ходу бормоча:

— Интересненько.

Старичок вскочил со своего места и, передразнивая врача, начал ходить по палате, повторяя:

— Интересненько! Чудненько! Прекрасненько! Да-с!

Затем махнул рукой и проговорил:

— Эх, где же старые врачи, что могли одним взглядом определить, какая болезнь у человека. Был в нашем городе хирург по фамилии Цветков. Врач от Бога! Когда он умер, так, почитай, весь город провожал в последний путь. Сколько людей он от смерти спас. Врач с большой буквы! А эти...

И старик махнул рукой.

На следующий день пришла Лариса.

— Ну, очнулся? — проговорила она, вынимая из пакета съестное.

— А вы кто? — удивлённо спросил Иван.

— Ну-ну, давай, издевайся,— устало сказала Лара.

— Нет, милая, он правда не в себе,— подскочил старичок.— Он и имя-то своё не помнит. Видать, и себя не помнит. И кто он, и что он. Сходи к врачу. А может, лучше,— он наклонился к уху Ларисы и прошептал,— может, лучше бабушку найти. А на ентих,— он мотнул куда-то влево головой,— не стоит много надеяться. Лариса нашла лечащего врача.

— Ну, что я вам могу сказать? — ответил он.— Надо ждать. Память может вернуться и через день, а может через год. Может, и вообще не вернуться. Ждать. Ждать.— И врач участливо приобнял Ларису, выводя из кабинета.

— Увозите-ка его куда-нибудь... (он хотел сказать «подальше», но понял, что не стоит так категорично, вдруг ещё пойдёт жаловаться, и продолжил)... на природу. Там точно станет лучше, и память вероятнее всего вернётся.

Лариса подняла на него удивлённый взгляд.

— Вот и чудненько, вот и прекрасненько,— и он подтолкнул Ларису в палату.— А мне, извините, пора. Работа, понимаете ли... Труд во благо общества. Так что, забирайте-ка его домой. Можно даже сегодня. И в деревню, в деревню, на свежий воздух. Курочки, коровки.— И он исчез, будто бы его и вовсе не было.

«Господи, какая же я дура. А теперь вот живи с таким придурком. Ни себя, ни других не помнит. Из больницы выпихивают. Делай сама, что хошь. Ой, маета».

Лариса обреченно зашла в палату.

— Одевайся! Домой пойдём! — сквозь слёзы промолвила она, со злостью глядя на мужа.

— Вы что, женщина,— замотал тот головой,— никуда я не пойду. Я вас не знаю!

— Да ну? Не знаешь? И что же это такое?! Врачи, гады, гонят. Этот подлюка не желает знать меня! А я, как дура, еще должна возиться с этим дебилом.

— Я не дебил!

— А кто же ты? Кто? Да, правильно, ты не дебил. Это я дебилка! Давно пора было бросить тебя, а я!..

Лариса заплакала, заорала навзрыд, стуча по спинке кровати своими натруженными кулаками.

— Ты, милый, иди с ней, иди,— проговорил старик, подойдя к Ивану и глядя его по голове, как маленького ребёнка.— Иди. Видно, она баба добрая, она тебя не обидит. Сбейрайся, родной. А ты, баба, если хочешь, можешь с ним ко мне ехать. У меня дом в деревне.

Он сунул ей в руки ключ:

— Вот, бери. Поживёт на природе, может, и правда оклемается. Да у нас там,— и он перешёл на шёпот,— у нас там Михеевна. Она ведает. Ведунья она. Глядишь, может, и твоему горю поможет.

Удивительно, но, услышав слова старичка, Иван встал и беспрекословно пошёл за Ларисой.

Подленькие мыслишки не переставали докучать Ларисе.

«А вот возьму, отвезу «этого» к старику, да и оставлю там. Ишь, добродетель: «У меня дом в деревне. Живите». Отвезу, спихну, и пусть там подышает на свежем воздухе».

**ПРОЗА УЧАСТНИКОВ ПРЕМИИ
«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»**

• Окончание. Начало на 7–8-й стр.

Но нутром Лара понимала, что и этого она не сможет сделать. Не такой она человек.

«Ладно, может, пока попрошу кого поухаживать за ним. Денежку предложу... Хотя какие у меня деньги. Кто теперь позарится на такие гроши».

Но она всё-таки решила съездить в деревню к старику. Хоть выходные отдохнуть на природе.

Изва деда была справная. Видно было, что срублена давно, но стояла крепко. Не покосившись, не вращая в землю. В доме тоже было прибрано и уютно, без каких-либо затей. Иван на всё смотрел удивлённо и с детской непосредственностью.

— Ты меня куда привезла? Я здесь жил? Это мой дом?

— Твой, твой! Как же, всё твоё — пробурчала Лара.— Ты тут посиди маленько, а я схожу. Мне надо.

Михеевна сидела у окна и вязала носок. Чуть взглянув на вошедшую, недовольно сказала:

— Ишь, чего удумала. Старику своего алкаша сплавить! Шустра ты, девка. О себе подумала. А о Петровиче? На тебе, за твою доброту! Хороша! Нечего сказать!

— Да я...
— Знаю, знаю, голова твоя пустая, да душа-то вот добрая у тебя. И сердце ещё не заостенело. А ить правильно говоришь, дура ты, дура и есть. Муж-от твой топереча, как белый лист. А на нём, на листе-то этом, сейчас всё, что хошь, написать можно.

— Да как же...
— Не перебивай, девонька. Ваньке-то моему сейчас тепло да ласка нужна и всё. Он образумится. В ум-то войдёт. А ты сейчас поезжай-ко домой, да и возьми вещи мужа да свои. Да и начинайте жить с чистого-то листа. Он же не знает, кто он, что делал, чем занимался. Вот ты ему и говори, какой он хороший семьянин был, как тебя любил да лелеял. Как он любую работу любил, да как вино ненавидел.

— Да ведь я же работаю.
— Уборщицей? Таку работу и здесь найдёшь.
— Да ведь жить-то где.
— У Петровича и живите.
— Но он же.

— ...Он уже не вернется сюда. С больницы прямо в дом престарелых поедет. Да и там долго не протянет. Рак у него. Это от одиночества. Всю жизнь, почитай, одиноким прожил. А дом... У него никого не осталось. Война всех прибрала. И жену и дитё. А он больше так и не женился. Одну свою Любушку любил. Бабы возле него крутились, как пчёлы у мёда, а он... Любушка ему дороже всех была. Так что сбирай манатки, да и живите здесь.

До самого вечера Лариса ходила по избе и думала, думала, думала. Решение пришло ночью. «Что я теряю. Права Михеевна. Работу я и здесь могу найти. Там дружки Ванькины неизвестно на какие ещё художества его могут подбить. А тут вдруг и правда получатся. Была — не была. Ведь жили же мы с Иваном первые годы счастливо. Какой он тогда добрый был, заботливый. А потом? Может, и сама я виновата. Ревновала его, чуть что — истерика. К родителям в деревню и то не отпускала. Даже на похороны не пустила, далеко, видите ли, ехать, мол, пошли соболезнующую телеграмму. А он как маялся тогда, но и против меня не мог пойти. Вот и стал по подъездам прятаться, да винцо попивать с дружками-собутельниками. Те-то уж понимали, лишь наливай, всё выслушают, пожалеют. А мне всё некогда было слушать-то. У меня стирка, готовка, магазины. А с мужем-то и некогда посидеть, поговорить».

И стали они жить в деревне. Лариса рассказывала мужу о том, как они встретились, как поженились. Иван слушал с интересом и удивлением. Эта женщина, сидящая напротив, всё больше привлекала его. Он смотрел в голубые бездонные глаза, любовался её губами и ямочками на щёчках. Память не возвращалась, но

теперь ему уже не было это важно. Ему нравилась эта весёлая, добрая женщина. Нравилось жить здесь. Копаться в земле, топить печь. Носить из колодца воду. Ставить самовар и пить такой вкусный, заваренный на травах чай.

И Лариса оттаяла, ожила. Она, казалось, даже помолодела. Да и Иван изменился. На сером лице его появился румянец. А взгляд из пустого и отрешённого становился светлым и ясным.

— Ишь, как два голубка, воркуют, не наворкуются,— улыбалась Михеевна.— Так живите, Бог вас и наградит.

Однажды, затапливая печь, Лариса вдруг охнула и присела, схватившись за живот.

— Милая, что с тобой?
Испуганный Иван подскочил к ней, схватил, понёс на кровать. Уложил на подушки, начал гладить по волосам, целовать лоб, щёки.

— Дорогая моя, что случилось?
Лариса смутилась, покраснела:
— Маленький у нас, Ванечка, будет. На третьем месяце я.

— Лариса! Любимая моя!..
Иван схватил ее на руки, начал кружить по комнате, напевая какую-то белиберду.
— Всё! Устроим сегодня праздник! Я бегу в магазин. Мороженое, пирожное, фрукты-овощи. Сегодня у нас пир! Лежи, я сейчас.

И он исчез за дверью. Вскоре он уже стоял у стола и выкладывал из сумки снедь. Апельсины, виноград, бананы, пирожные. На столе уже появилась целая горка из еды, когда с самого дна сумки Иван достал запотевшую бутылку водки.

— Вот,— сказал он гордо,— надо отметить это дело. Давай по рюмашечке за нашего первенца.

Лариса побледнела. Страх сковал всё её тело.

«Вот и кончился рай»,— подумала она обречённо. Иван откупорил бутылку:
— Давай...

И тут он посмотрел на жену. Лицо Ларисы посерело, а в глазах... в глазах стояли слёзы. Иван схватился за голову. Ему показалось, что кто-то большой и сильный сжал её в своих ладонях и начал расплющивать.

— А-а-а,— вырвалось из его горла. Он развернулся и выбежал из дома.

Через полчаса встревоженная Лара вышла на улицу. Ивана нигде не было. Она уже решила возвращаться обратно, когда на берегу реки увидела чей-то силуэт. Подошла поближе. Иван сидел у самой воды. Лариса осторожно подошла и тронула мужа за плечо.

— Ваня!
Иван резко вскочил:
— Лариса, Ларисочка, милая! Я всё вспомнил. Ты понимаешь, я всё вспомнил. Прости, родная. Ты из-за меня.., ты для меня, а я... Я больше никогда не возьму ни одного глотка в рот. Веришь? Ты веришь мне, любимая?

Лариса подняла глаза, посмотрела на мужа и, улыбнувшись, молча качнула головой, затем обняла и прижалась к нему всем телом. И в этот миг Иван ощутил, какая она маленькая и беззащитная. Он глубоко вдохнул и, наклонив голову, спрятав лицо в её волосах, тихо проговорил:

— А давай старика сюда привезём. Мы его, как отца, слушаться будем. Может, и поживёт ещё...

Николай ШВЕЦОВ

МАЛЬЧИК БЕЗ КРЫЛЬЕВ

Я ПРЕКРАСНО помню эту историю. В своё время она наделала немало шумихи. Это произошло через пару лет, как я закончил университет. Помню, сижу перед телевизором в очередное воскресное утро, и тут по новостям передают, что объявился какой-то мальчик, умеющий летать. Причём, летать в буквальном

смысле, как птица или самолёт. У него не было крыльев или каких-то специальных гаджетов, он просто летал, сам по себе, как супергерой какой-то.

Когда я позвал жену с кухни, чтоб она посмотрела на это, она мне сначала не поверила и даже рассмеялась. Да и кто бы поверил: четырнадцатилетний парень, парящий в воздухе, когда ему захочется — ну что за бред?! Но когда моя супруга увидела, как в экране стоящий на земле мальчуган взлетает ввысь по просьбе телевизионщика, она не только перестала смеяться, но и вовсе на несколько минут утратила дар речи. К слову, все, абсолютно все люди, живущие на этой планете, в тот день испытали всплеск противоречивых эмоций. Это не была очередная новостная «утка», всё это было по-настоящему. Никто не знал, как к этому относиться. Но кое-кто быстро нашёл подход к сложившейся ситуации.

В одно мгновение этот летающий паренёк (его имя я так не запомнил) стал всемирно известной персоной, хотя по его лицу можно было прочесть, что сам он этого не особо желал. Его приглашали на всевозможные ток-шоу, на прочие теле- и радиопрограммы, о нём писали газеты, интернет буквально захлёбывался различными «постами», записями, фотографиями и видеоматериалами с его участием. Его часто просили продемонстрировать свои необычные способности, и этот довольно милый по внешности и крайне простодушный мальчишка всегда соглашался. Он вообще всегда отличался некой доброжелательностью и простодушностью во всех своих интервью. Из него сделали настоящую медиа-звезду: буквально за несколько месяцев после приобретения мировой славы он уже успел появиться в нескольких популярных сериалах, исполнить одну полноценную роль в полнометражном фильме, который, кстати, вышел весьма посредственным, и к выходу в свет готовился его сольный музыкальный альбом.

Постепенно паренёк стал привыкать к своей славе. Это чувствовалось в его более уверенной речи и поведении на публике. Он больше не прятал глаза и не избегал камер, не стеснялся вопросов журналистов, даже самых неудобных. Возможно, именно это и сыграло с ним злую шутку, так как на одном из вечерних шоу этот удивительный молодой человек на уже миллионы раз задававшийся ему вопрос о том, как он научился летать, ответил вместо привычного «я не знаю», что он просто очень сильно захотел полетать, забрался на место повыше и... полетел. Его способности, кстати сказать, пытались изучить, но никаких результатов это не принесло. В любом случае, это был крайне не обдуманный с его стороны ответ.

Уже на следующий день всевозможные СМИ разразились сообщениями о сотнях людей, сбрасывающихся с крыш домов в надежде на то, что они тоже очень сильно захотят и полетят. Особенно на подобный эксперимент потянуло детей и подростков, готовых поверить в любую ересь. Слава богу, моему первенцу на тот момент было чуть больше года отроду, и он не заразился этой «лётной» лихорадкой, которая с каждым днём приобретала всё большие масштабы. Естественно, непутёвые родители убившихся деточек, не способные приглядеть за своим чадом и объяснить ему, что прыгать с крыши девятиэтажки — это не лучшая идея, стали обвинять во всём того самого мальчугана, будто бы это он сталкивал их детей с крыши. На него посыпались угрозы расправы через все соцсети, а кому-то даже удавалось отыскать его адрес и, набравшись наглости, являться к порогу его дома. Правда, охрана, приставленная к парню, быстро усмирляла таких персонажей.

Кстати говоря, были и другие проявления неадекватности, вызванные этим мальчишкой. Например, кто-то всерьёз считал его появление вторым пришествием Христа, кто-то просто считал его небесным посланником, призывающим всех нас стать лучше и как бы метафизически взлететь, а совсем отбитые

личности выстроили вокруг него целый культ, с молитвами, постаментами и ритуалами. Были и те, кто считал его вестником конца света, сатаной во плоти или инопланетянином, среди сторонников теории заговора ходили слухи о том, что пацанёнок — представитель новой, более прогрессивной расы, которая придёт и истребит всех нас. В гонку неадекватности вступили и чиновники, предлагавшие внести различные поправки в законодательство, дабы запретить или же, наоборот, узаконить права людей, способных летать без помощи чего-либо, и неважно, что таковым на данный момент являлся всего один человек. По факту, всё население Земли разделилось на три лагеря: на тех, кто радовался приходу этой «мессии», на тех, кто его люто ненавидел, и на тех, кому было, в принципе, плевать, так как на их жизнь этот странный человек никоим образом не влиял. К последним относил себя и я.

Впрочем, всё это не имеет значения, важнее то, что через какое-то время мальчик не выдержал свалившегося на его плечи внимания, негатива и ответственности за то, чего он не совершал. Он просто исчез, оставив свой роскошный пентхаус. В одно мгновение. Это известие тут же облетело все СМИ, люди, как умалишённые, бросились на его поиски, словно от этого парня зависела судьба человечества. Предлагали всевозможные версии его исчезновения, начиная от самоубийства или просто убийства и заканчивая похищением с целью выкупа. Кто-то выдвигал версию о том, что здесь замешано правительство, и над парнем в данный момент проводятся опыты, направленные на создание на основе его генома целой армии летающих солдат. Никто почему-то не рассматривал наиболее реалистичный вариант происходящего — этот парень просто устал и решил спрятаться от всей шумихи, что витала вокруг него.

Долгие три месяца от него не было вестей. Периодически некоторые обыватели публиковали фотографии и видеоролики, на которых якобы присутствует тот самый мальчик, но на деле было не понятно, что именно там летает в кадре. Наконец он объявился. Солнечным, жарким летним днём он подлетел к центру своего родного города, поднялся в небо на высоту около километра и, устремившись вниз, с огромной скоростью впечатался в брусчатку, которой была выложена центральная площадь. В своём твиттере в этот день он оставил следующую запись: «На свой день рождения я хочу подарить себе и всем остальным одну очень важную вещь — покой».

В репортаже о его похоронах на несколько секунд показали родителей подростка, которые по окончании церемонии сели в дорожный Мерседес и тут же скрылись от взоров телевизионных камер. Я сразу же вспомнил одно интервью парня, где он обмолвился о том, что именно его родители сообщили журналистам о необычном таланте их сына. Интересно, если б они знали, что этим всё закончится, они бы поступили иначе?

Про самого мальчика все достаточно быстро забыли, а вспоминали его нечасто и всегда неохотно, словно бы все люди, которым было не наплевать на него, считали себя причастными к его гибели. Да, про него снимались фильмы и сериалы, писались книги и создавались видеоигры, но всё это выглядело, как попытка «срубить» денег на очень трагичной истории.

Мне же всегда было искренне жаль этого паренька, по-человечески жаль, как и любого другого четырнадцатилетнего подростка, решившего покончить с собой. Сейчас, спустя много лет, я всё отчётливее понимаю, что не зря не стал уделять этому феномену слишком много внимания. И уж тем более, я не зря обошёл стороной все эти сектантские течения, провозглашавшие, что всё, столь желанное нами, можно заполучить, просто ещё больше этого пожелав. У меня есть семья, работа, дом, и для получения всего этого я не только этого желал, но и упорно стремился к этому, игнорируя всех «летающих» мальчиков.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

* * *

Натуральное богатство русского языка и речи так велико, что, не мудрствуя лукаво, сердцем слушая время, в тесном общении с простым человеком и с томиком Пушкина в кармане можно сделаться отличным писателем.

М. М. Пришвин

* * *

Русский язык открывается до конца в своих истине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли.

К. Г. Паустовский

* * *

Отражая географические просторы и «общежительность» разных народов, образ «вечно созидающейся России», русский язык несёт непреходящие ценности красоты и благодати, которые, по Достоевскому, «всё спасут».

В. Г. Костомаров

* * *

Я поняла на русском слово «счастье»,
Большое счастье жить в большой стране,
С ним не боюсь я горя и ненастья,
С ним не сгорю я ни в каком огне.
Текут две речки в сердце, не мелея,
Становятся единою рекой...
Забыв родной язык — я онемею.
Утратив русский,— стану я глухой.

Т. М. Зумакулова

* * *

...Я ко всем наукам ключ имею,
Я со всей вселенною знаком —
Это потому, что я владею
Русским всеохватным языком...

*Семен Данилов,
народный поэт Якутии*

Александр ПУШКИН
ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,—
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,—
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

ПЕРВУЮ литературную попытку я назвал «Зимний берег». Написал, отпечатал, сшил капроновой ниткой, цветными карандашами вензелями вывел заглавие. (Я ещё не знал, что так поступают все графоманы). Пришел к приятелям в газету «Ленинский завет», уговорил их послушать и высказать своё мнение. Они внешне не удивились просьбе и не кобенились, сразу согласились устроить чтение, только, дескать, принеси, братишка, белого вина. И нам веселее, и у тебя язык не присохнет к зубам. Принёс я вина и закуски, для зачину и сугреву, как водится в добрых компаниях, сразу приняли по стопке, крикнули, закусили, воскликнули одобрительно: «Хорошо пошла, стерва!» Я вытер ладони о штаны, чтобы не замаслить рукопись, и принялся за повесть. Прочитал страницу, и приятель Анатолий, пухлый такой, лысоватый, вдруг бесцеремонно оборвал: «Володя, давай, повторим. А то на трезвую голову трудно понять. Чую, что хорошо написано, но что хорошо, не объяснить». Выпили, закусили... На пятой странице прикончили обе бутылки, друзьям выпитого показалось мало. Рукопись я сунул в авоську, туда же остатки закуски, и отправились мы в рюмочную... Отзыва я так и не дождался, товарищи, стесняясь, наверное, обидеть меня, усердно отводили глаза... И даже частые рюмки не помогли развязать язык.

На следующий день «Зимний берег» был предан сожжению. На кухоньке в ведре я разложил костерок и в каком-то гипнотическом состоянии, без всякой жалости, с отрешенным видом глядя, как сворачиваются белые листы в обугленные лохмотья, казнил свой труд... А может, и зря погубил едва народившееся дитя. И, честное слово, не помню, о чем было то недоношенное в утробе сочинение. И уже никогда не узнать...

А может, смутило меня «Привычное дело» Василия Белова, появившееся в том же «Севере»; помнится, после прочтения весь мой литературный провинциализм тут же осыпался с меня, как шелуха, я увидел, что мои романтические образы, которые я высасываю из пальца, так далеки от окружающей жизни. Мы упорно искали героя на стороне, а Белов, в научение нам, выдернул его из затрапезной вологодской деревеньки, разглядел в невзрачном мужичонке Иване Африкановиче и спел ему поэму той говорей, среди которой я жил с детства, но сторонился её и стыдился, съехав в большие города и чуток хвадив науки. Может, и не сам Африканович зацепил душу, сколько его исповедальные приче-

ты совестливой души. Тёмные от пашни и воды, расседавшиеся руки в мозолях и ципках, с кривыми избитыми пальцами, похожими на еловое коренье, а душа-то у человека светлая, и этот свет радостный истекает в грудь не только от святых писаний и молитовок, но больше от клешнятых ладоней, ворочающих горы нескончаемой работы. И ведь не камееет от неё с годами, но открывается Богу, послушно ступает ему навстречу, прежде чем сойти в землю на долгий отдых. Это и удивило меня, пока неотчетливо, смутными догадками, будто шильцем кольнуло под грудью,— и всё. Вроде бы газетная суeta остудила, поглотила это внезапно вспыхнувшее чувство. Прикоснулся к истине,— и отступил, напугавшись. Но случился тайный, не понятый до конца урок, который и пригодился. И в этом свете жалости люди, что окружали меня на Северах, вдруг доверчиво приоткрылись, подались навстречу, пробив сумрак отчуждения, и увиделись иными...

Оказалось, в светлой душе рождаются светлые чувства, высказанные всем нам светлыми словами, возбуждающими в нас дух, и этот дух, расширяясь, вовлекает в свои сферы множество сторонних, пока чужих людей, но уже готовых к родству. И это тоже цепь незримая, которая нас оковывает, но мы этой странной добровольной каторгой не тяготимся, но тянемся к ней. Это вспыхивает подзабытое, но тлеющее внутри каждого русского глубинное национальное чувство, как основание природы, которой необходим мирь. Сама простота излилась из-под пера Василия Белова, и чего на неё закидывать взгляд? — но какая сложная она, эта простота, непостижная в своей глубине, вот так же сложен и непонятен в своих устремлениях и переживаниях сам русский народ. Оттого столько шуму и наделало в России «Привычное дело»; без особого сюжета, вроде бы, без

интриги, без вспышки чувств: тихая, непритязательная деревенская судьба, «обыкновенная история», о какую и не споткнется бесталанный, безнациональный литератор. Белов подсказал широко известное ещё до Горького, но изрядно подзабытое: о самом сложном можно писать вот так, по-крестьянски просто, певуче, без всяких кулинарных изысков, без пряностей и копченостей, без надрыва и кровопусканий,— но душу-то изымает из груди... Разве не диво?! Помню, что некоторые слова из «Привычного дела» я даже выпевал по слогам, катал на языке, пробуя на вкус, как нечто осязаемое, будто сладкий корень саранки, добытый из весенней пашни...

До прочтения повести Василия Ивановича жизнь деревенская казалась слишком опрошенной, приземленной, «каравой», куда бы мой взгляд ни нацеливался. Ничего-то в ней выдающегося, в этой бытовой зыбучей болотине, в которой легко утонет всякое романтическое чувство. Вот в чем величие и значимость писателя,— он ведь не только пробудил моё внутренне зрение к русскому слову, но он высветил красоту крестьянской жизни посреди матери-сырой земли. То есть, она была всегда, но как бы задрапирована в черные непроницаемые покрывала, из-за которых не просвечивало ничего притягательного, волнующего сердце. И мы думали, что там, за мрачными пологам, всё глухо, неотзывчиво и ненужно с их грязью, неверием и беспробудным пьянством. Белов же драпировку скинул, а там алмазы и жемчуга! Вот я и очнулся и с новым чувством стал ездить по Северам, и жизнь моя внутренняя преобразилась ещё неведомо для меня.

Это нынче Белов, при концах дней своих, печалится, что так поздно приник к Богу: «Эх, кабы раньше мне пристать к церкви... Пораньше бы разглядеть в ней спасение. Я бы такого написал..!» Да нет,

христовенький, пожалуй, ничего бы, может, и не написал: слился бы с церковью, напился бы её ладаном, её торжественной грустью, этой временностью жизни на земле, окунулся бы в святоотеческие книги,— и утонул бы в них с головою, согнал бы с сердца крестьянскую плотскую тоску по земле, сокрушающую жалость к русскому мужику, тянущему вековечное ярмо, согнул бы праотеческий, от солнца, круг жизни, а обавные мистические предания заменил бы молитовкой,— и угодил бы ты, Василий Иванович, по крутому самолюбивому характеру своему иль на каторгу за богоискательство, иль в алтайские староверческие скиты по реке Белой, а то и просто затаился бы от мира в скрытне где-нибудь под Устюгом иль Ярославлем за перепискою древних книг...

Чтобы выплеснуть на бумагу чистое, искреннее религиозное чувство, как Шмелёв («Лето Господне»), без примеси тщеславия и гордыни, надо сызмала, с пелёнок вариться в православном густом бульоне, чтобы каждая мышца прониклась религиозным чувством, и дух того варева естественно напичкал каждую волю души. А ведь мы-то, поморяне, при советах жили без Христа, вне обителей и храмов, без креста на груди, без образов в углу, без колокольных звонов, без осянных торжественных праздников, без сладко пахнущих свечей, без кадила, без кулича и пасхи, без того церковного лада, который каждой мелочью устроит Господь в нашем сердце. Если бы лет тридцать тому (случись так) Белов ушел в веру, восхитился бы её глубиной, её вечным праздником, открылся бы ей всем своим душевным и духовным составом, одержимо приник к святоотеческой книге, то, боюсь, он бросил бы литературу, как изношенное, но ещё обольстительное платье; но если бы, вдруг, и продолжил писать, то уже словом хладным, округлым, копируя евангельские притчи, и, невольно, пренебрёг бы и горячей жалостью к простецу-человеку, и его косным живым языком, с каким разговаривает с нами мать-сыра земля. Белов, прежде не думая о Боге, всю жизнь боролся с собою, плотским, перемогал в себе животное, не зная того, упорно притулялся к Христу, прилепился к Нему, как к Отцу, свои страсти неустанно подбрасывая в костерок поэзии; вот это духовное пламя, вырывающееся наружу, и обжигает читателей. Писатель, как и монах, вырастает из страданий, он добровольно натягивает на свою шею ярмо, тащит часто на раменах непосильный крест учителя, ещё и не помышляя о Христе.

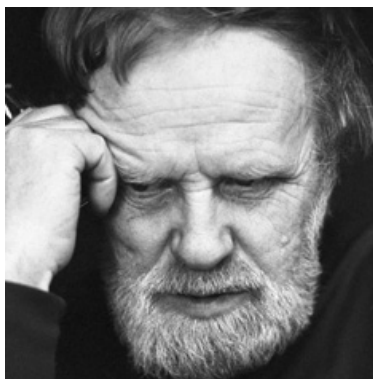
Владимир ЛИЧУТИН

СЛОВО
О БЕЛОВЕ

*Выступление на литературном вечере,
посвященном юбилею Вологодской
писательской организации*

УРОКИ МАСТЕРА

ПРОРОЧЕСКОЕ СЛОВО ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

В далёком 1999 году в Вологде в здании филармонии (бывшего дворянского собрания) состоялся пленум Союза писателей России. Тема его была предсказуема: «Вологодская литературная школа: народность, традиции, слово в русской культуре». Открывая пленум, председатель правления Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев сказал: «Мы низко кланяемся Василию Ивановичу Белову за его нравственность, за его служение слову, за его требовательность, за его совесть». Он вручил великому русскому писателю золотую медаль, посвященную 200-летию А.С. Пушкина, а затем предоставил ему слово для выступления. То, о чем говорил тогда Василий Белов, воспринималось довольно скептически, на видеозаписи, любезно предоставленной давним другом вологодских писателей Александром Алексичевым, этот скепсис виден и слышен явно, к нашему сегодняшнему стыду. Василий Белов оказался прав, особенно в оценке «пятой колонны», и сегодня разрушающей Россию, но воистину пророческими стали его слова о трагедии на Украине, о которой он говорил с болью, не понятой тогда нами. Многие из сказанного классиком тогда, на рубеже веков, и сейчас мы не сможем осознать до конца,— такова особенность обычного человеческого зрения, не видящего дальше сегодняшнего горизонта. Василий Белов видел так зорко, как может видеть только гений.

РЕЧЬ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА НА ПЛЕНУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВОЛОГДЕ 9 декабря 1999 года

ДОРОГИЕ друзья, я, прежде всего, должен поприветствовать гостей наших, дорогих гостей: Валентина Григорьевича Распутина, Игоря Ростиславовича Шафаревича, Станислава Куняева, и Ганичева, и всех, всех тех, кого я не назвал сейчас. Потому что со всей земли приехали к нам люди. Вот, например, Юрий Бородин приехал, старинный мой приятель из Ярославля.

Годится ли для нашего разговора географический принцип? Я сомневаюсь в этом. С легкой руки какого-то расхожего критика вошло в моду не очень корректное выражение «литературная школа». Началось, по-моему, с ростовской, далее перекинулись на смоленскую, теперь вот посмотрели и вологодскую школу. Какая школа, друзья мои? Что значит школа? Какой примитивный метод достался нам в наследство от вульгарного социологизма, от тотального интернационализма, который вошел в наши плоть и кровь, во все поры нашей национальной культуры и экономики? И привел этот тотальный интернационализм именно к тому развалу, который произошёл с нами, к развалу государства. Я не признаю никаких школ, признаю только одну школу, русскую!.. Аплодисментов нет (после этого замечания Василия Белова раздались жидкие хлопки.— В.Б.). Эта школа одна на всех у нас, и говорить о ней нужно, а не о вологодской и никакой не ростовской школе. Национальная школа должна у нас существовать. Разве «Тихий Дон» относится к школе южной, ростовской? Или «Василий Тёркин» Смоленск представляет? Это что, школы, что ли? Какие это школы, это русская литература, она присутствует во всем мире и для всех русских, и не только для русских. Делить литературу по географическому принципу весьма опасно, об этом нельзя забывать. Так же

опасно делить её на деревенскую и городскую, на производственную и военную. Подлинная литература не признает никаких школ, делится лишь по национальному признаку, либо просто по языку, или просто на хорошую и дурную. Мне кажется, что с этой трактовкой культуры и литературы согласятся и грузины, и армяне, и немцы, и финны, не согласятся разве что украинцы (после этих слов зашелестел легкомысленный хохоток в зале.— В.Б.). Ответ на этот вопрос,— согласятся ли украинцы,— обусловлен другим вопросом: существует ли украинский язык? Не разновидность ли это русского языка? Вопрос этот опасный, может, даже трагичный, поэтому отложим ответ на благоприятное будущее. Лично я придерживаюсь тех взглядов, которые выражал Данилевский (1), а также историк Николай Иванович Ульянов, книга которого находится под запретом до сих пор (2).

Но обратимся к вологодской литературной школе, поскольку термин уже внедрился. Её, эту школу, никак нельзя оторвать от северной литературной традиции, от северного фольклора, и музыкального, и словесного, традиции эти идут ещё со времен домонгольских. Первым нашим, то есть вологодским, писателем я называю Даниила Заточника, я об этом уже говорил несколько лет тому назад. Плач Даниила Заточника (3) или Слово, или как там его называют, создан недалеко от моей Тимоники, на озере Лача. Вот слова из этого плача: «Кому Переяславль, а мне Гореславль, кому Боголюбово, а мне горе лютее, кому Белоозеро, а мне чернее смолы, кому озеро Лача, а мне много плача». Видите, когда ещё началась традиция фольклорная и писательская. Бессмертный памятник литературы «Слово о полку Игореве» написан на столетие раньше плача Даниила Заточника и в

другом месте. Новое слово выросло на одних и тех же корнях, питается одними и теми же соками, соками народной жизни. Оба Слова этих прочно спаяны народной жизнью, то есть православием и русским фольклором. Вот чем связаны оба этих литературных памятника. Хотя между ними зияет промежуток в целое столетие, эту связь можно выразить лишь словами нашего Николая Рубцова: «С каждой избою и тучею, С громом, готовым упасть, Чувствую самую жгучую, Самую смертную связь». Эти строки тысячелетней традиции — разве не такие же меры, присущие Твардовскому и Шолохову? Потрясающее единство в необъятном многообразии имен, названий, методов, стилей, жанров, образов — и всё это один русский язык, он креп и рос на протяжении веков, превратился в один из мировых языков. Ей Богу, вовсе не стыдно говорить на таком языке! Но зададимся таким вопросом: у кого и как учились, перенимали образное мастерство сами создатели бессмертных литературных памятников? На кого опирались они? Всем, кто жил после них, было на что опереться, были традиции, уже существовали опоры, пусть недостижимые, в смысле почти идеальные, божественные. Простой пример: Александр Пушкин. После того, что совершено им, разве не обязаны были явиться Блок, Цветаева, Лермонтов, Николай Рубцов? Но я говорю об авторах тех, ещё безымянных слов... Даниил Заточник на кого опирался? Откуда черпали они свое вдохновение? Раздумывая об этом, я вынужден цитировать самого себя. Если не цитировать себя, то комментировать хотя бы собственное сочинение, хотя бы тот же «Лад». Вот фрагмент из главы о пастухах, самой безобидной, самой простой категории населения: «Вся жизнь пастуха на природе, по-

этому он был еще и опытным лесовиком, хорошо чувствовал перемену погоды, знал множество примет, умел драть корье, бересту, плести из них лапти и другие изделия. Питался и ночевал пастух у всех по очереди. Если в деревне тридцать домов, то за месяц он побывает в каждой крестьянской семье. И, конечно же, узнавал не только то, что сегодня варили в том или другом доме. Он знал все. Скотина тоже была в его руках, и неудивительно, что пастуха побаивались, уважали, а иногда и баловали недорогими подарками.

Рожок или дудка веками печально звенели в русском лесу сквозь его отрешенно-широкий шум. Коровы знали несколько музыкальных колен. Они выполняли такие музыкальные команды:

1. Выходи из дворов.
2. В прогон! В прогон!
3. Делай что хочешь.
4. Опасно, беги!
5. Общий сбор в одном месте.
6. Домой! — и другие команды».

Я вспомнил о пастухах в связи с музыкой, в связи с фольклорной стороной, отраженной, в какой-то мере, в книге. Придётся повторить основную мысль моего выступления на съезде, на десятом съезде, на последнем. А мысль моя такая: чтобы выжить нашему Отечеству, главное сейчас, может быть, не слово, не публицистика, не печать в газете, а главное сейчас — музыка, песня. Я готов утверждать, готов писать целую диссертацию на эту тему. Конечно, слово — это слово, но вот на сегодняшний день самое главное — это музыка. Разрушение эстетики идёт больше по этой линии. Год назад в «Парламентской газете» я попробовал сказать об этом вслух, чтобы услышали все депутаты. Там говорилось: «Свобода России поистине теперь сатанинская. Чувствую себя свободным независимо от того, есть у тебя способность сочинять текст и музыку, или никакого таланта нет. И вот возмнил себя творцами тысячи недорослей мужского, женского, а больше всего среднего рода, «вдохновение» захлестнуло души скукающих бездельников, не желающих знать ничего, кроме пошлейших своих текстов и бесстыдных дёртаний под механизированные гитары эстрадных подмостков. А сегодешние «мэтры», музыкальные знатоки, в основном еврейской национальности, среди этого многоголосья начали устраивать музыкальные гонки, внедряя конкурсы, отбирая наиболее нахальных

и двигая их в телевизор и на радио». Вы можете поспорить со мной в этой фразе, как хотите, но я думаю, что спорить тут не о чем, вы попробуйте включить телевизор... Недавно у нас в Вологде прошел великолепный праздник, праздник музыки. Был у нас детский фестиваль гаврилинской музыки. Гаврилин подписался бы под этими словами, которые я сейчас процитировал, тоже. Он говорил: «Есть артисты и музыканты яркие, странные. Свет от них нехорош и пуст. Кто помнит время керосиновых ламп, тому знакомо, как иногда умирал огонь под стеклом. И вдруг вспыхивает сильно и ярко — это значит, кончился керосин и загорелся фитиль, это плохо, и такое нельзя допускать, опасно, когда горит фитиль. Такие и артисты бывают. Иной раз большие мастера, а горячего нет, а полыхают, горит фитиль...». Вот такой мудрый был композитор у нас, вологодский. Я считаю, что это был гениальный человек, который создал великую славу нашим землякам. Те строчки, которые я цитировал сейчас, после этих слов я сказал, что самым мощным разрушителем был у нас ни кто иной, как Высоцкий. Это я не боюсь сказать именно здесь, в филармонии, где люди филармонические призваны внедрять именно национальную мелодическую культуру. Да, хриплый голос Высоцкого поспоспобствовал расправе над великой музыкальной культурой нашей Родины. Это был один из главных способов разрушения эстетики, а, следовательно, и национальной культуры, а значит, один из элементов государственного разрушения. Не так-то просто вернуть сейчас нашу молодёжь к родной, не забурной эстетике. Но сотрудник «Парламентской газеты» выбросил именно эти слова. Я не хочу сейчас говорить его фамилию. Вообще, по музыкальному репертуару так называемой радиостанции «Маяк» можно легко уяснить, чего они боятся больше всего, наши враги. Мы разучились петь собственные песни, собственную музыку разучились мы слушать, именно такой народ нужен нашим врагам, нашей «пятой колонне», руководимой Мадлен Олбрайт и целой своре бжезинских. Они хотят вытравить из нашей плоти и крови всё русское понимание музыки, наш мелос, наше восприятие музыкальных опусов. Речь идет не только о музыке...

Публикация и примечания
Виктора БАРАКОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

Николай Яковлевич Данилевский (28 ноября (10 декабря) 1822, село Оберец Орловская губерния — 7 (19) ноября 1885, Тифлис) — русский социолог, культуролог, публицист и естествоиспытатель, геополитик, один из основателей цивилизационного подхода к истории, идеолог панславизма. В 1850-х годах Н.Я. Данилевский жил в Вологде, работал в канцелярии вологодского губернатора. Основное произведение Н.Я. Данилевского — книга «Россия и Европа» (1871). Ф.М. Достоевский назвал «Россию и Европу» «настойной книгой всякого русского». На данный момент Н.Я. Данилевский заслуженно признан классиком русской геополитики.

Николай Иванович Ульянов (23 декабря 1904 (5 января 1905), Санкт-Петербург — 7 марта 1985, Нью-Хейвен) — русский историк и писатель. Главным научным трудом Н.И. Ульянова стало исследование «Происхождение украинского сепаратизма» (1966), написанное в эмиграции.

Даниил Заточник (XII или XIII век) — уроженец Переяславля, писатель, биографические данные о нём отсутствуют. Предполагают, что ему принадлежат два близких по тексту произведения, именуемых редакциями, или же одно из них. Первая редакция — «Слово Даниила Заточника», вторая — «Моление Даниила Заточника».

«Парламентская газета» — периодическое общественно-политическое издание Федерального Собрания Российской Федерации. Основана газета 7 мая 1998 года.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Алексей ШВЕЦОВ

Алексей Швецов родился в 1959 году в деревне Батран Череповецкого района. После армии работал на ГПЗ, одновременно заканчивая Всесоюзный юридический заочный институт. Был он человек лёгкий и на подъём, и в общении. Весёлый, улыбчивый. Не зря сказано, что талантливый человек талантлив во всём. Алексей среди многих своих талантов имел, конечно же, основную особенность: он легко сходиллся с самыми разными людьми. Умел и любил дружить, бережно дорожа едва ли не каждым шапочным знакомством. И, конечно же, он был поэт. И всю свою недолгую, в общем-то, жизнь отдал служению поэзии. Умел находить единственно верные определения тому или иному событию и суметь зарифмовать их. Много читал, знал наизусть многих поэтов и мог к месту процитировать целые стихотворения. Пришлось ему и поредакторствовать в нескольких газетах. Но за определённую должность не держался: легко приходил и так же легко уходил куда-то дальше. Был вхож во многие литобъединения города и области и даже вёл собственное литобъединение на оптико-механическом заводе. Поддерживал многих начинающих поэтов, помогая им добрым словом и делом. А как он читал стихи! Негромкий его голос в эти мгновения буквально преображался, становясь громким и звучным, и сам неуловимо менялся: глаза горели, руки жили своей особенной жизнью, помогая доносить более полный смысл слушателям. Отличала Алексея и поразительная работоспособность в написании стихов: иной раз за ночь — а он любил сочинять ночами — мог под настроение сделать несколько интересных разноплановых вещей. Насколько был он даровит в поэзии — настолько же был и неприспособлен к быту. Жил только стихами. И хоть оставил после себя только два небольших стихотворных сборника, его стихи по праву занимают не последнее место в сердцах благодарных земляков.

Александр ЛОМКОВСКИЙ, член Союза писателей России

Я ВЫБРАЛ В СПУТНИКИ ВЕТЕР

Дорога в дождь — хорошая примета.
Я верю в доброту таких примет.
Ах, отпылало нынешнее лето!
А сколько ждёт ещё дорог и лет.

Котомочка полна не сухарями —
Любовью и коростой от обид,
Молчанием, молитвами, стихами...
И не плечо, а душу тяготит.

А встретишься с хорошим человеком —
И будто легче станет на душе.
И снова людям верится и рекам...
И веришь в рай с любимой в шалаше.

Вот отпылало нынешнее лето,
А сколько ждёт ещё дорог и лет?..
Дорога в дождь — хорошая примета.
Я верю в доброту таких примет.

Александр АЛЕКСЕЕВ

Александр Алексеев родился 13 мая 1962 года в Вологде. До армии был таким же, как и все вокруг: гонял голубей, хулиганил с друзьями, бегал на танцы... Служить попал в Подмоскovie и на его счастье в полку оказалась неплохая библиотека, где он постепенно и стал одним из самых активных читателей. Там он открыл для себя Гюго, Шолохова, Толстого и многих других «серьёзных» писателей, до которых дома просто не доходили руки. Там же Александр брал и толстые журналы, в которых наряду с прозой неизменно печатались стихи. «Подсматривать», как он сам говорил, за поэтами, ему понравилось. Ощутить мир вокруг глазами современников или же давно ушедших людей — что может быть лучше? Так и сам он непроизвольно начинал рифмовать строчки, но во что-то серьёзное это пока не вылилось: видимо, слишком мало жизненного опыта было на тот момент. А после армии у Александра началась работа на ГПЗ, женитьба, рождение дочери... И как-то не до стихов было особо. Случайно узнал, что при заводе существует своё литобъединение, решил показать там свои первые опыты. Стихи оценили, что-то похвалили и предложили заходить почаще. Даже несколько стихотворений напечатали в «Вологодском подшипнике». Жизнь потекла в новом русле: теперь всё чаще и чаще молодому поэту приходилось задумываться о чём-то не приземлённом, о «высоком». А тут ещё и знакомство с «поэтической братией» серьёзно повлияло на его мировоззрение. Крепко сошёлся с уже признанным в литературных кругах Александром Швецовым, и дружба с ним дала, конечно же, новые грани творчеству. Обоих помотала судьба, отвалив при этом творческого дарования «полной ложкой». Друзья жили, как Бог на душу положил, сочиняя стихи на ходу, сиюминутно — писали, как дышали...

Александр ЛОМКОВСКИЙ, член Союза писателей России

СКВОЗЬ ГОДЫ И НЕВЗГОДЫ ПУТЬ ОТКРЫТ

Что-то снилось мне русское поле...
Синий лес, ветхий домик вдали,
И над всем этим колокол стонет...
Нет, летят! То летят журавли!

А потом невысокий, негромкий
Снился город, огни вдоль реки.
Вечера на родимой сторонке,
И, конечно, конечно, стихи.

Снились голые ветки акаций,
Снился сон вековых тополей,

И закрытые двери редакций,
И открытые двери друзей.

А потом ресторан на причале,
Изречения хмельных мудрецов...
Что-то снилось мне в русской печали?
Может, Вологда? Может, Рубцов?

Эх, зачем я так часто сворачивал,
Не перечил своей судьбе?

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНЬЕ

Спаси меня, земное притяженье,
От ветров, от дождей и от снегов.
Живу с таким великим напряженьем,
Как будто сдавлен тяжестью оков.

Как будто нет в душе моей ни света,
Ни песен, ни черёмух, ни тепла...
Опять зову, но нет и нет ответа...
Ни крыльев нет, ни лодки, ни весла...

И что же в этом диком напряженье,
Что может душу слабую спасти?
Спаси меня, земное притяженье,
И помоги мне крылья обрести!

Заворожило
Название города
Тихо и ласково —
Вологда.
И уж представить-то
Трудно мне,
Как бы мог жить я
В другой стороне.
Где бы друзей моих
Не повстречал,
Не возвращался б
На этот причал,
С добрым участием
Софийский собор
Не привечал бы меня
С этих пор.
И не узнал бы я,—
Что ж тут такого,—
Где же могила
Поэта Рубцова,
И не коснулась бы
Строк, чуть дыша,
Не развернулась бы
В песню душа!..

Заплутался я в лесу.
Всё хожу, хожу по кругу.

Сердце бьётся, словно другу
Радость я свою несусь.

Ах, сосновые боры!
Не память бы сапогами —
Как пружинят под ногами —
Изумрудные ковры.

Словно красная роса
Брызжет ягода-брусника.
Погляди-ка, погляди-ка,
Распахни-ка туеса!

Наклонюсь и — горстью в рот.
Аж лесным прохватит духом!
А по соснам-векухам
Смоль стекает, будто мёд.

И осталась там душа,
Где стремятся сосны в небо.
Заплутаться снова мне бы,
Побродить бы не спеша.

Мой брат замученный, старшой,
мне беспощадно сердце выжёт:
«Я так безвременно ушёл,
чтоб ты скоропостижно выжил.

Когда враги меня скосили,
я знал уже, что не один:
я не последний сукин сын,
я — предпоследний сын России».

Я выбрал в спутники ветер,
Я выбрал в друзья свечу!
За многое я в ответе.
Мне многое по плечу...
Мне б только... Как много надо!
А думалось: пустяки.
Казалось, что счастье рядом,
На том берегу реки.

И срывал одни одуванчики,
Не цветочки, а так себе...

Невозвратного вечно жаждущий,
Уходящее презирал.
Мимолётной звездой гаснувшей
Восхищения мерк идеал.

Разлетелись мечты творения
Очень часто и часто зря,
Мне всегда не хватало времени,
Чтоб понять самого себя.

Захлебнувшись своею участью,
Словно якорь, искал я дно,
Но в глубинах душевных мучаясь,
Не нашёл ответ всё равно...

ЯМЩИК

— Пошёл! — сказал и хлопнул по плечу.
И бубенцы залились под дугою.
Гони, ямщик, за всё с лихвой плачу:
За водку и за песню под луною.

То пыль, то грязь, то снег
из-под копыт —
Российской стороною тройка скачет,
Сквозь годы и невзгоды путь открыт,
Но я плачу за видимость удачи.

Гони, ямщик, ты слышишь звон монет
И звон колоколов на старой церкви,
Тревоги нет и страха тоже нет,
Хочу взглянуть в глаза безликой смерти.

Ямщик, слегка коней поосади —
Стакан последний выпью без отрыва,
И вот уже Россия позади,
Но мчитсЯ тройка с песней до обрыва.

А Вы опять одна в такой чудесный вечер.
И вновь передо мной волнующая
грань —

Пушистый синий плед, окутавший Вам
плечи,
Открытое окно и белая герань.

Последний солнца луч — он только мне
понятен,
Всё в мире не на век, всё в мире не на час,
А я сегодня трезв и, кажется, опрятен,
Но лишний раз взгляну и испугаю Вас.
Неосторожный жест нелеп

и безрассуден,
Я нелегко вздохну, ведь мне не всё равно,
Что вечер, правда, мил. Что Вас со мной
не будет...
Вы, не полив цветы, закроете окно.

КОЛОДЕЦ

Я страдал, словно горький пропойца,
Пить хотелось, как сроду не пил.
Вон, колодец стоит за околицей —
Счастья тем, кто его мастерил!

Жарким днём может всяко почудиться,
Только тут подтолкнула судьба,
Я нагнулся и вздрогнул от ужаса:
Я в колодце увидел себя...

УСАДЬБА

Не тает снег на каменных ступенях,
Пропавший, первый, нехолодный снег.
Здесь тишина уснула на коленях
И кажется уснувшей навек.

Я не был здесь, мне нечего здесь
помнить,
Но незаметно вдруг подкралась боль.
К уставшей и ушибленной колонне
Я приложил в раздумии ладонь.

Уходит век, об этом написать бы,
Но грусть случайная пройти должна,
И я хочу, чтоб в глубине усадьбы
Вдруг рассмеялась юная княжна.

Адрес издания: literator35.ru Адрес электронной почты: ioann-7772006@yandex.ru Издание подготовлено к печати при поддержке депутата ГД РФ Е. Б. Шулепова.	Главный редактор А. А. Цыганов. Редакционная коллегия: С. П. Багров, Р. А. Балакшин, В. Н. Бараков, М. И. Карачев, О. И. Ларионов, Ю. М. Максин, О. А. Фокина. Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не рецензирует и не возвращает, а также не имеет возможности выплачивать вознаграждение за опубликованные материалы.	Тираж издания 1000 экз. В розницу цена свободная. Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России». Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.	Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-Периодика». 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Зак. 1703. Подписан в печать по графику: в 12.00, фактически — 20.12.2017 г. в 12.00. Выход в свет — 22.12.2017 г.
--	---	--	--